

О. Е. Кузина, Д. В. Моисеева

Есть ли взаимосвязь между сберегательным поведением населения, доверием к финансовым институтам и установками на сбережение в современной России?¹

КУЗИНА Ольга Евгеньевна —

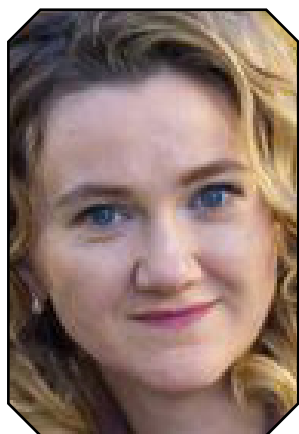
кандидат экономических наук, PhD, профессор, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 11.

Email: kuzina@hse.ru

Статья посвящена исследованию сбережений россиян как одному из показателей финансовой (не)устойчивости домохозяйств. Основная цель исследования — выявление взаимосвязи между доверием населения финансовым институтам, сберегательным поведением россиян и их установками на сбережение. Изучение финансовой (не)устойчивости важно для разработки мер экономической и социальной политики, особенно в отношении тех условий, на которые государство способно повлиять. Новизна исследования заключается в обращении к российским данным и включении доверия институтам и сберегательных установок в число ковариат наличия сбережений у домохозяйств. Эмпирическая база исследования — данные всероссийских опросов населения 2009–2023 гг. Финансовая устойчивость большей части россиян в силу того, что лишь около трети населения имеет сбережения и их размер невелик, находится на низком уровне. Опросы также показывают высокий уровень недоверия большинству социально-политических и финансовых институтов. На основе метода главных компонент выделены два латентных фактора доверия. Первая компонента связана с доверием социально-политическим институтам, Сберу и Банку России, Агентству по страхованию вкладов (АСВ) и банкам с государственным участием; вторая включала доверие всем негосударственным финансовым институтам. С помощью регрессионного анализа установлено, что и сберегательные установки, и обе компоненты доверия положительно связаны с наличием сбережений. Ассоциативный анализ показал, что при наличии установки на сбережения наиболее часто встречающимися неслучайными сочетаниями ответов являются отсутствие сбережений, недоверие банкам (за исключением Сбера) и АСВ. Таким образом, недоверие социально-политическим и финансовым институтам выступает препятствием для роста сбережений населения и повышения финансовой устойчивости домохозяйств.

Ключевые слова: финансовая неустойчивость домохозяйств; сбережения населения; сберегательное поведение населения; сберегательные установки; доверие финансовым институтам; финансовое поведение населения.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Социально-экономические стратегии населения по совладанию с кризисом», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

МОИСЕЕВА Дарья Викторовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 11.

Email: dmoiseeva@hse.ru

Введение

Сбережения населения после кризиса 2007–2008 гг. в академической литературе стали рассматриваться в контексте финансовой (не)устойчивости домохозяйств (*financial fragility; financial resilience*). Домохозяйства, у которых в 2007–2008 гг. произошёл дефолт по кредитным обязательствам вследствие их перекредитованности, были названы финансово неустойчивыми [Jappelli, Pagano, Maggio 2008]. В дальнейшем данное понятие было расширено и к таким домохозяйствам стали относить те, у которых в ситуации экономического шока произошло существенное падение уровня материального благополучия. Под экономическим шоком понималось как резкое снижение доходов домохозяйства, так и возникновение у него необходимости покрытия крупных неожиданных денежных расходов (например, на оплату медицинских услуг). Если у домохозяйства не было сбережений, доступа к кредиту или безвозмездной помощи от родственников и друзей, то в случае экономического шока домохозяйство не могло оплатить аренду жилья и коммунальные услуги, купить в достаточном количестве продукты питания и предметы первой необходимости. Это приводило к задержкам платежей по данным статьям расходов или к отказу от их потребления [Bridges, Disney 2004; 2010; Worthington 2006; Anderloni, Vacchicchi, Vandone 2012]. В результате понятие «финансовая (не)устойчивость» получило широкое распространение благодаря его прикладной значимости при анализе финансового поведения домохозяйств и разработки мер социальной и экономической политики.

Пандемия COVID-19 стала новым источником экономического шока. Домохозяйства столкнулись с риском заболеть или потерять заработок вследствие локдаунов или снижения экономической активности. Отсутствие сбережений и (или) высокий уровень долговой нагрузки при сохранении обязательств по оплате арендованного жилья, платного образования детей или возникновения больших расходов на медицинское обслуживание создавали стрессовую ситуацию для домохозяйства [Fitch et al. 2011], могли приводить к снижению самооценки и разрыву социальных связей [Wang 2010], к накоплению неоплаченных счетов, к просрочкам в обслуживании кредитов [Skoufias 2003]. Исследование показало, что накануне пандемии, в январе 2020 г., 27% респондентов в репрезентативной для взрослого населения США выборке были финансово неустойчивыми к возможным экономическим шокам [Lusardi, Schneider, Tufano 2020].

Предполагалось, что новый экономический шок приведёт к снижению финансовой устойчивости населения, поскольку согласно модели перманентного дохода (см.: [Friedman 1957]) сбережения в кризис должны сокращаться, так как за счёт их использования домохозяйства компенсируют уменьшение дохода и не позволяют потреблению снижаться. Однако исследования, проведённые в ходе пандемии, показали, что, вопреки логике модели перманентного дохода, во многих странах, по данным макростатистики в 2020–2021 гг., норма сбережений домохозяйств увеличилась [International Monetary Fund 2021], и на счетах физических лиц стали накапливаться денежные средства. Данный рост был оценён как повышение финансовой устойчивости домохозяйств. С одной стороны, увеличение

сбережений было вызвано ожиданиями домохозяйств дальнейшего сокращения их будущих доходов и неопределённостью относительно продолжительности кризиса, что приводило к увеличению сберегательных установок, стимулировало формирование резервов «на чёрный день», а также ускоренное погашение домохозяйствами имеющейся задолженности. С другой стороны, спецификой данного кризиса стало то, что ковидные ограничения и локдауны сильно ограничили возможности домохозяйств тратить деньги на потребление, тогда как снижение доходов населения отчасти было компенсировано за счёт мер поддержки со стороны государств [Pinkovetskaia, Campillo, Bahamon 2022]. В результате доходы многих домохозяйств не уменьшились, а расходы сократились [Bachas et al. 2020], и домохозяйства смогли создать или увеличить имеющиеся сбережения [Basselier, Minne 2021; Dossche, Zalatos 2020]. Подобная реакция населения на кризис уже встречалась и ранее: например, во время рецессии 2007–2009 гг. в странах с высоким уровнем дохода наблюдался рост нормы сбережений [Alan, Crossley, Low 2012; Mody, Ohnsorge, Sandri 2012; Adema, Pozzi 2015; Carroll, Slacalek, Sommer 2019].

Исследование сберегательного поведения американских домохозяйств в пандемию выявило: домохозяйства с высокими доходами уменьшили своё потребление больше, чем низкодходные группы, и их возврат к прежнему уровню шёл медленнее, что способствовало росту накоплений на банковских счетах. Домохозяйства же в группе нижнего доходного квартиля не так сильно сократили своё потребление, как высокодходные группы, и хотя их банковские накопления в абсолютных значениях также увеличились, но на меньшую величину [Bachas et al. 2020]. Неравномерность изменений сбережений по доходным группам воспроизводится и при межстрановых сравнениях. Например, оценка сберегательной активности домохозяйств в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Central, Eastern and Southeastern Europe — CESEE)², по данным опросов населения в октябре — ноябре 2021 г., показала, что лишь 8% опрошенных респондентов смогли увеличить свои сбережения в течение полутора лет пандемии, причём больше сберегали в основном те, кто делал регулярные сбережения до её начала. Большинство тех, кто не имел и не делал сбережений до кризиса, не начали этого делать и в кризис [Ellmeier, Koch, Scheiber 2023]. Таким образом, увеличение сбережений домохозяйств и их финансовой устойчивости в кризис было положительно связано с уровнем доходов.

Финансовая (не)устойчивость приводит к негативным последствиям не только для самих домохозяйств, но и для экономики в целом (например, из-за риска дефолтов или снижения уровня жизни населения и размера потребительских расходов), что мотивировало исследователей к поиску причин данного феномена и потребовало, в свою очередь, не только определить понятие теоретически, но и операционализировать его в систему измеряемых индикаторов [Anderloni, Vacchicchi, Vandone 2012]. В настоящее время общепринятой методики измерения финансовой (не)устойчивости нет, используются несколько видов индикаторов:

- уровень закредитованности и перекредитованности домохозяйств [Anderloni Vacchicchi, Vandone 2012; Albacete, Linder 2013; Bańbuła et al. 2016; Kim, Kim, Yoo 2016];
- отсутствие ликвидных финансовых резервов [Demertzis, Dominguez-Jimenez, Lusardi 2020];
- возможность получения помощи в сетях социальной поддержки [Lusardi, Schneider, Tufano 2011b].

Множество работ по данной теме написаны с целью выявить факторы (ковариаты) финансовой (не)устойчивости домохозяйств, к числу которых относят уровень доходов [D'Alessio, Iezzi 2013], пол, образование, семейное положение, состав портфеля активов [Brunetti, Giarda, Torricelli 2016], возраст [Brown, Taylor 2008; Lusardi, Schneider, Tufano 2011b], раса [Emmons, Noeth 2013], занятость, размер домохозяйства, наличие и количество детей, тип населённого пункта [Rahim 2011; Catherine, Yusof, Mainal 2016; Daud et al. 2018; Walugembe et al. 2019], наличие доступа к инструментам финансового рынка, финансовая грамотность [Lusardi, Tufano 2009; Gathergood 2011] и управление финансами в домохозяйстве [Bryan,

² Босния и Герцеговина, Болгария, Чехия, Хорватия, Венгрия, Польша, Румыния и Сербия.

Taylor, Veliziotis 2010], ведение бюджета доходов и расходов [Yusof, Rokis, Jusoh 2015], а также поведенческие смещения, такие как, например, недостаток самоконтроля и импульсивность [Worthington 2006; Bridges, Disney, Gathergood 2008; Anderloni, Vacchicchi, Vandone 2012; Kim et al. 2014; Hamid, Loke, Chin 2023]. В большинстве исследований было показано, что финансовая неустойчивость характерна для групп с низкими доходами, без высшего образования, а также она чаще распространена среди молодёжи.

Изучение факторов финансовой (не)устойчивости важно для разработки мер экономической и социальной политики, особенно в отношении тех детерминант, на которые государство способно повлиять. Интересный вывод был получен в исследовании о наличии связи между финансовой (не)устойчивостью и финансовой доступностью [Hamid, Loke, Chin 2023]. На данных репрезентативного опроса населения Малайзии авторы исследования обнаружили, что при контроле социально-демографических факторов отсутствие банковского счёта было положительно связано с финансовой неустойчивостью. Если быть уверенными в том, что включённость домохозяйств в пользование банковскими продуктами при прочих равных способна повышать их финансовую устойчивость, то расширяя доступ населения к банковским услугам, можно создать условия для повышения финансовой устойчивости домохозяйств, а если направление связи обратное, то такие меры не помогут. В логике исследований, представленных в обзоре, возникает вопрос, пока ещё не поставленный в литературе, о роли доверия социальным институтам в формировании и воспроизводстве финансовой неустойчивости. Если доверие отсутствует, то меры по расширению доступа к инструментам финансового рынка не окажут положительного влияния на динамику сбережений населения.

Новизна нашего исследования и вклад в существующий корпус литературы по теме финансовой (не)устойчивости домохозяйств заключаются в обращении к российским данным и включении доверия социально-политическим и финансовым институтам и сберегательных установок в число ковариатов финансовой (не)устойчивости домохозяйств. Причём российский контекст, в котором при наличии доступа к инструментам финансового рынка значительное число домохозяйств не доверяет как большинству социально-политических, так и финансовых институтов [Ибрагимова 2015; Ibragimova, Kuzina, Vernikov 2015], даёт возможность оценить наличие связи между доверием таким институтам и финансовой (не)устойчивостью. При наличии потребности в сбережениях их отсутствие определяется не только финансовыми возможностями домохозяйств, но и недостатком доверия финансовым институтам: если нет доверия финансовой системе, банковским вкладам и другим сберегательным инструментам, нет и длинного горизонта планирования, и сбережений [Красильникова 2010; Козырева 2012; Щербаль 2013а; 2013б, Тихонова 2023]. На данном этапе мы пока не ставим целью сделать вывод о причинно-следственной связи между доверием и финансовой (не)устойчивостью в силу имеющихся предположений об эндогенности фактора доверия. Эндогенность возникает вследствие того, что доверие может быть как фактором, так и результатом финансовой (не)устойчивости домохозяйств. С одной стороны, домохозяйства, у которых нет финансовых резервов, не пользуются финансовыми инструментами, поэтому, не имея опыта, не доверяют финансовым институтам. С другой стороны, возможна и обратная взаимосвязь: если у домохозяйств нет доверия таким институтам, то они менее склонны делать сбережения, поскольку для них нет надёжных форм сбережений.

В качестве показателя финансовой (не)устойчивости мы будем рассматривать наличие финансового резерва (сбережений) в домохозяйстве, оставляя за рамками исследования проблему перекредитованности и наличия или отсутствия у домохозяйств неформальных сетей материальной поддержки в кризисной ситуации. Наличие высокого уровня перекредитованности большинства россиян не столь распространено [Кузина, Крупенский 2018], причём домохозяйства, у которых есть кредиты, не так часто имеют сбережения, поэтому группы закредитованных домохозяйств и не имеющих финансовых резервов в значительной степени совпадают, а оценку роли неформальных сетей мы пока сделать не можем из-за отсутствия соответствующих вопросов в имеющейся базе данных.

Таким образом, основной целью нашего исследования будет выявление взаимосвязи между доверием населения финансовым институтам, сберегательным поведением россиян и их установками на сбережение. В данной работе мы сначала охарактеризуем динамику доли сберегателей в России в 2009–2023 гг. Потом мы представим динамику и латентные факторы доверия социально-политическим и финансовым институтам в России в 2013–2023 гг., далее оценим то, как связана вероятность наличия сбережений в домохозяйстве с его характеристиками и доверием общественным институтам. В заключении, используя метод ассоциативных правил, рассмотрим логические зависимости между доверием различным институтам, сберегательными установками и созданием финансовых резервов домохозяйствами.

В качестве эмпирической базы данных использованы результаты мониторингового исследования, проведённого по заказу Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) в 2009–2023 гг. Опросы проводились ежегодно по всероссийской выборке в 41 регионе методом личных интервью по месту проживания по структурированной анкете; количество наблюдений в каждой волне составляло не менее 1600 респондентов; формулировки вопросов и дизайн выборки не менялись. Выборочная совокупность данного исследования репрезентирует взрослое население России (18⁺) по полу, возрасту, образованию, типу населённого пункта. Максимальная ошибка измерения равна 3,7%. Опросы проводятся ежегодно при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для анализа динамики сберегательного поведения и предпочтений населения использовались данные за весь период наблюдений (2009–2023 гг.). Вопросы о сберегательных установках были добавлены в анкету в 2014–2021 гг., поэтому оценка их динамики проведена для данного периода. Вопросы о доверии социально-политическим и финансовым институтам в сопоставимых формулировках задавались в 2013–2023 гг. В связи с этим для факторного, регрессионного и ассоциативного анализа использовалась база данных за 2014–2021 гг.; объём выборки составил 12 963 респондента.

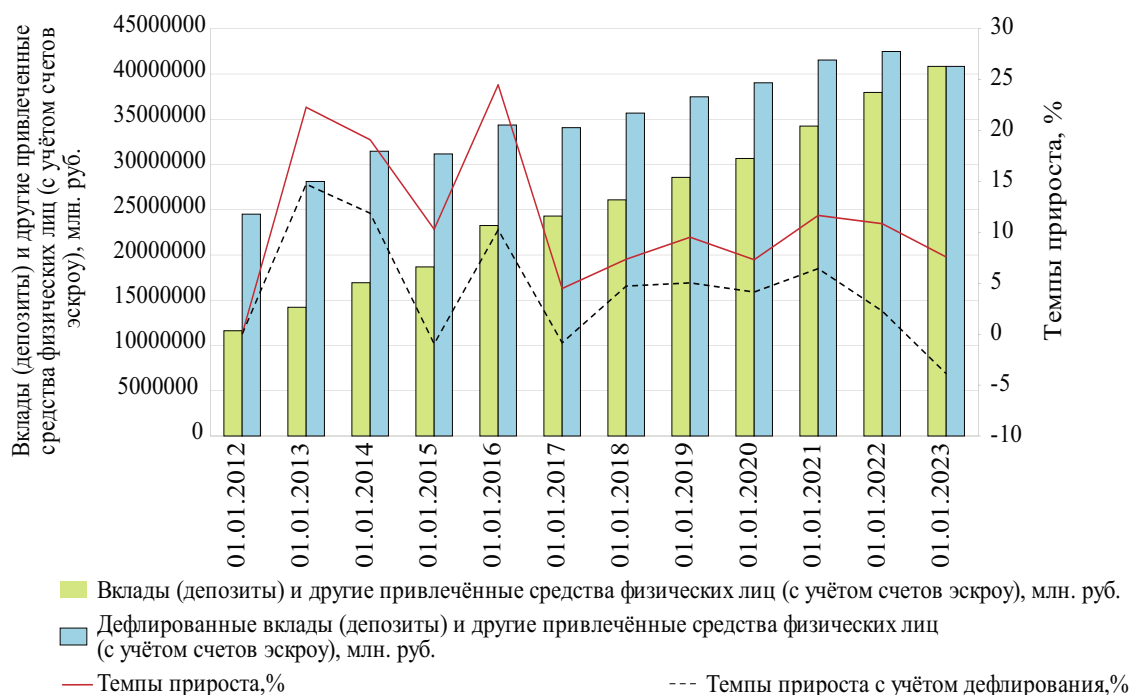
Сберегательное поведение и сберегательные установки россиян: тренды 2009–2023 гг.

В течение последних 30 лет россияне неоднократно сталкивались с экономическими кризисами, вызванными самыми разными причинами — как экономическими, так и политическими или эпидемическими. Эти кризисы так или иначе сказывались на доходах, расходах и сбережениях населения.

Финансовый кризис 2008 г. и его последствия для сберегательного поведения населения были описаны российскими исследователями, которые пришли к выводу, что доля россиян, имеющих сбережения, до и после кризиса не изменилась и составляла около четверти населения, причём в отличие от кризиса 1998 г. массовых потерь сбережений в 2008 г. не произошло. Основным мотивом сбережений являлось создание «страхового запаса» на непредвиденный случай в форме вкладов в государственных банках или наличных деньгах. В качестве причин, препятствующих появлению сбережений, исследователи указывали на низкий уровень доходов и финансовой грамотности домохозяйств [Красильникова 2010; Козырева 2012; Щербаль 2013а; 2013б].

Исследований об изменениях финансового поведения россиян в период пандемии и после начала специальной военной операции (СВО) в 2022 г. не так много, в основном это результаты опросов, проведённых в тот или иной момент времени без возможности анализа динамики [Радаев et al. 2023; Тихонова 2023], либо, если представлены изменения во времени, то данные были ограниченно сопоставимы из-за изменения методологии опросов [ВЦИОМ 2022], либо фокусировались не на сберегательном поведении населения, а на материальном положении, занятости и потреблении [ФОМ 2022], доходах и потребительском кредитовании [Бессонова, Цветкова 2022].

Если обратиться к данным Банка России за 2012–2023 гг., то можно заметить два важных изменения в 2022 г.: сокращение объёма денег во вкладах и других привлечённых средств физических лиц в реальном выражении; снижение доли вкладов со сроками привлечения более одного года. Номинально динамика привлечённых средств населения за 2012–2023 гг. была положительной (см. рис. 1). Однако в реальном выражении за указанный период объём средств населения в банках снижался трижды, причём наибольшее снижение данного показателя произошло в 2022 г.: на 1 января 2023 г. объём привлечённых средств населения сократился на 4% по сравнению с предыдущим годом.

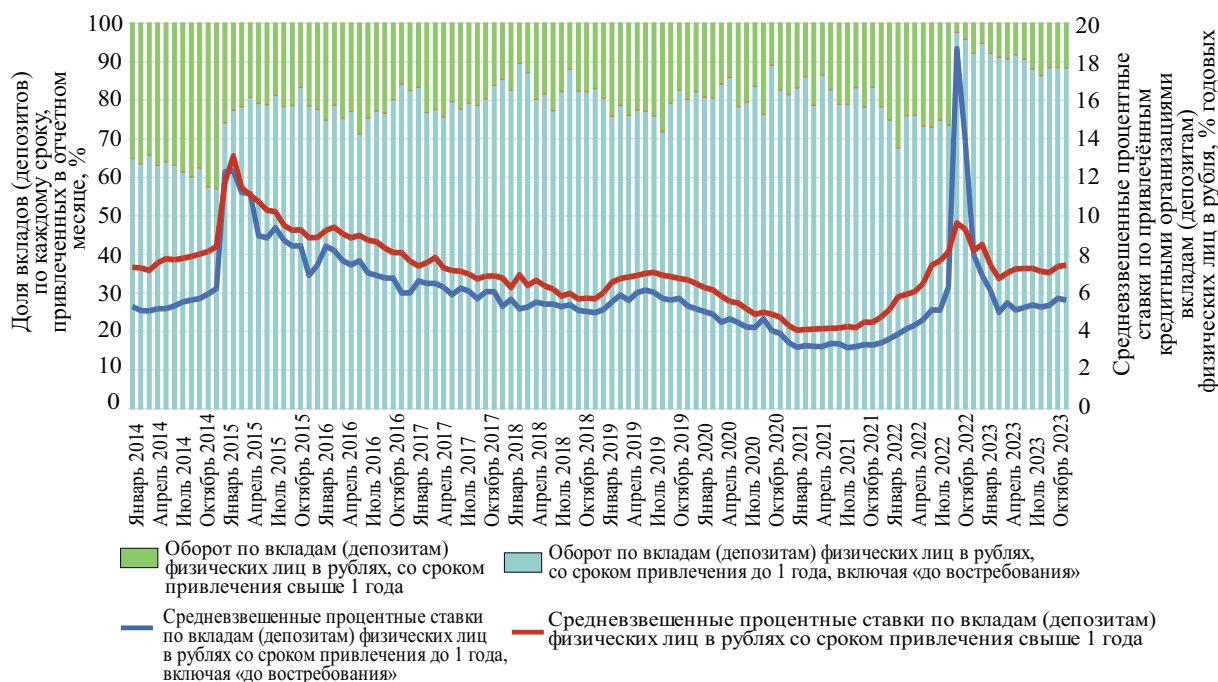

Источник: Средства на счетах организаций, банковские депозиты (вклады) и другие привлечённые средства юридических лиц, физических лиц и индивидуальных предпринимателей в рублях (в целом по Российской Федерации), млн руб.; см. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Borrowings/02_01_Funds_all.xlsx

Рис. 1. Динамика вкладов (депозитов) и других привлечённых средств физических лиц (с учётом счетов эскроу), по данным Банка России

В структуре оборотов по привлечённым кредитными организациями вкладам (депозитам) физических лиц в рублях (см. рис. 2) до ноября 2014 г. доля вкладов со сроком больше года составляла 35–43%, затем доля таких вкладов сократилась в два раза и с декабря 2014 г. по февраль 2022 г. колебалась в пределах 10–32%; в марте 2022 г. доля вкладов от года и выше упала до 2%. Причиной резкого снижения доли длинных вкладов как в 2014 г., так и в 2022 г. стал резкий рост процентных ставок. Так, в марте 2022 г. ставки по банковским вкладам увеличились до 18,67%³, причём в отличие от предыдущего скачка процентной ставки высокий процент предлагался только для вкладов на короткие сроки. Вкладчики стали массово переключать деньги, чтобы воспользоваться данной возможностью. И хотя в июле 2022 г. размер процентных ставок вернулся на уровень июня 2019 г., доля вкладов со сроком привлечения свыше года так и не достигла докризисного уровня: с декабря 2022 г. она остаётся на уровне 11–12%. Таким образом, пандемия COVID не оказала значительного влияния на сроки привлечения банковских вкладов, а кризис 2014 г. и начало СВО привели к их уменьшению.

³ См.: Процентные ставки и структура оборота по вкладам (депозитам) в рублях (URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/DepositsDB/).

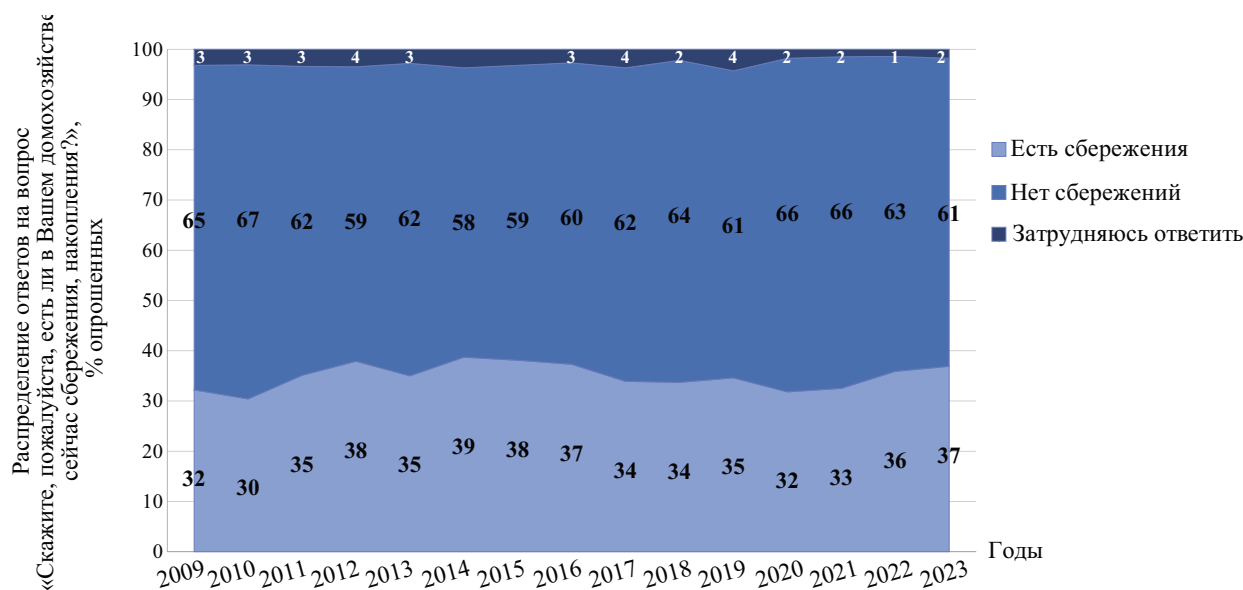
Рис. 2. Динамика процентных ставок и структуры оборота по вкладам (депозитам) в рублях

Обратимся к данным наших социологических опросов. Несмотря на изменения, произошедшие с 2009 г., многие из которых носят экстраординарный характер, доля россиян, имеющих сбережения, колебалась незначительно — в пределах 30–39%⁴ (см. рис. 3).

Основные причины того, что люди не делают сбережений, не изменялись на протяжении всего рассматриваемого периода. Самой популярной причиной было отсутствие денег, чтобы делать сбережения (минимальное значение 64% в 2022 г., максимальное — 77% в 2010 г.); другие причины упоминались в разы реже.

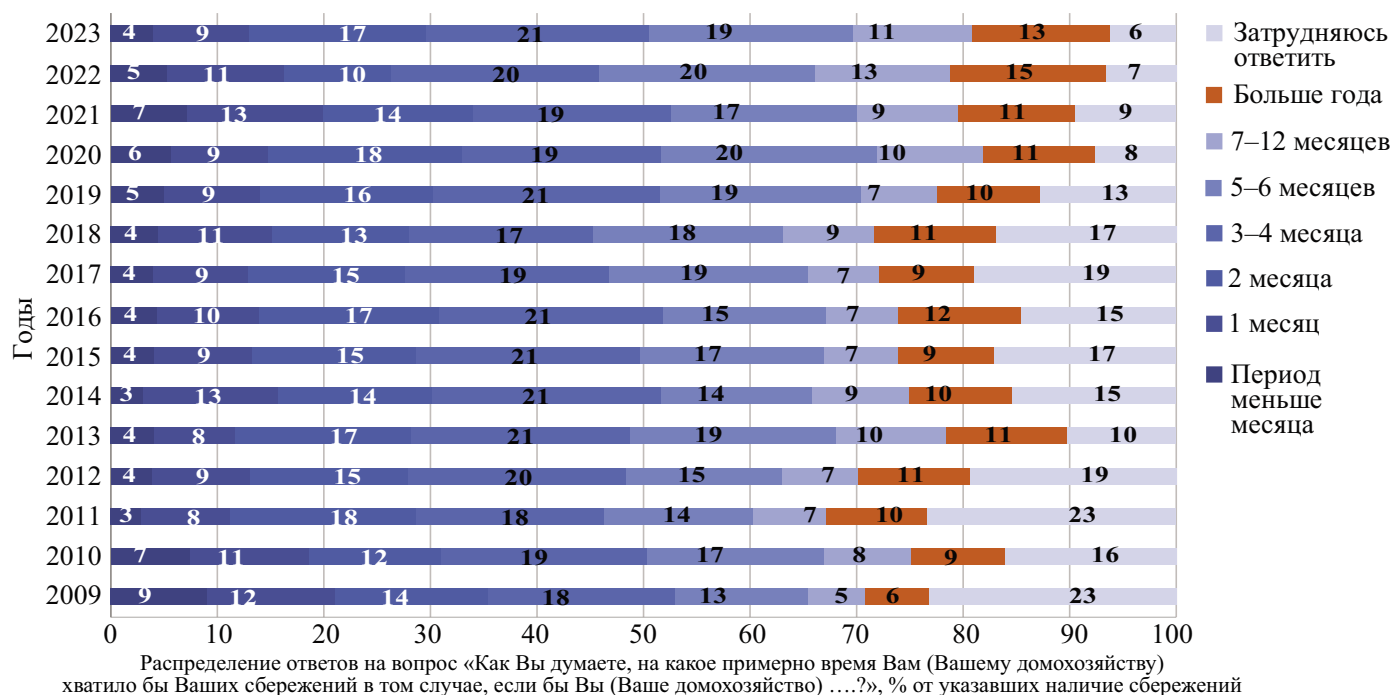
В России лишь треть населения имеет сбережения и их размер не так велик. Подавляющее большинство из имеющих сбережения сообщают, что им хватит этих денег на срок менее года: в 2011 г. доля таких ответов составляла 67%; к 2020 г. она выросла до 82%. При этом приблизительно лишь каждый десятый сообщил, что в его или её домохозяйстве сбережений хватит на год или более (см. рис. 4). За 2009–2023 гг. изменилась только доля тех, кто затрудняется ответить: 23% в 2009 г.; 6% в 2023 г.

⁴ Ошибка измерения на величине доли признака 30% — 3,4%, 40% — 3,7%.

Примечание: Формулировка вопроса: «Скажите, пожалуйста, есть ли в Вашем домохозяйстве сейчас сбережения, накопления?».

Рис. 3. Доля россиян, имеющих сбережения. 2009–2023 гг., % опрошенных

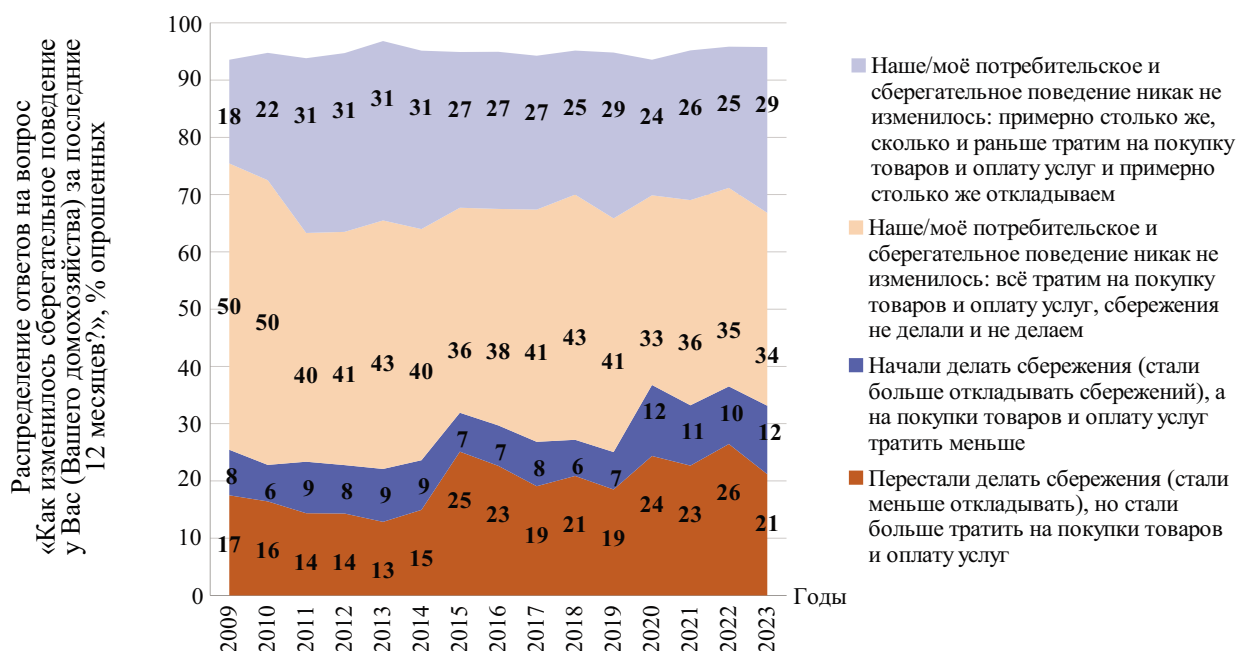
Примечание: Формулировка вопроса: «Как Вы думаете, на какое примерно время Вам (Вашему домохозяйству) хватило бы Ваших сбережений в том случае, если бы Вы (Ваше домохозяйство) лишились всех нынешних источников дохода, и Вам на повседневные нужды пришлось бы тратить только Ваши сбережения?»

Рис. 4. Оценка величины сбережений, % от указавших наличие сбережений

Ни кризис 2014 г., ни пандемия, ни начало СВО никак не сказались на оценке размера сбережений: медианное значение суммы, которую, по мнению россиян, можно считать сбережениями, не меняется с 2013 г. и составляет 100 тыс. руб.

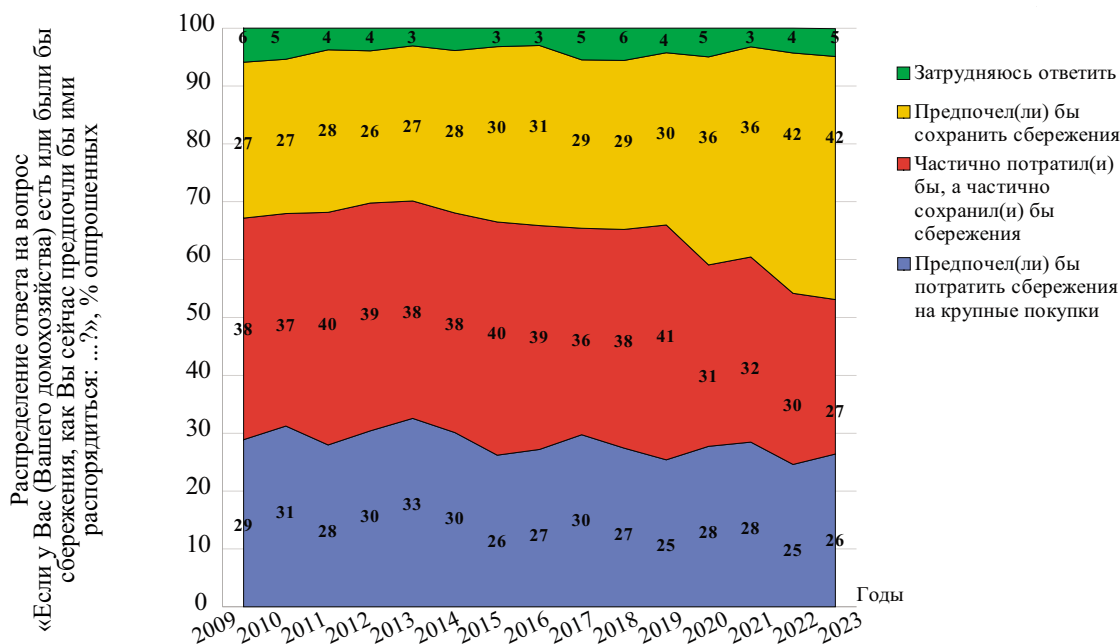

При ответе на вопрос о самооценке произошедших изменений преобладали ответы, фиксирующие отсутствие изменений в сберегательном поведении. Однако после 2014 г. выросла доля тех, кто перестал делать сбережения (с 15% в 2014 г. до 19–26% в последующие годы). Причём сдвиги наблюдались в 2015 и 2020 гг.; именно в эти годы выросла доля тех, кто сообщил о том, что перестал делать сбережения или стал откладывать меньше (см. рис. 5).

Примечание: Формулировка вопроса: «Как изменилось сберегательное поведение у Вас (Вашего домохозяйства) за последние 12 месяцев?»

Рис. 5. Самооценки изменения сберегательного поведения россиянами, % опрошенных

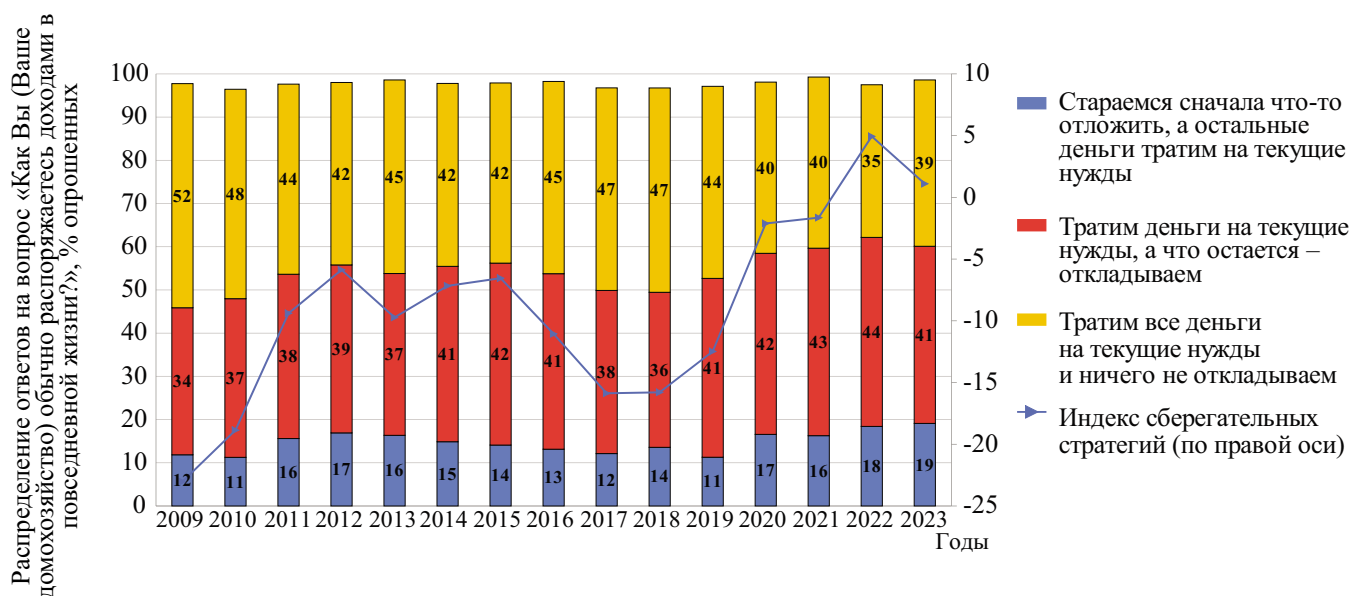

Примечание: Формулировка вопроса: «Если у Вас (Вашего домохозяйства) есть или были бы сбережения, как Вы сейчас предпочли бы ими распорядиться: потратить их на нужные Вам крупные вещи или сохранить сбережения, не тратить их на покупку крупных вещей?»

Рис. 6. Предпочтения относительно сбережений, % опрошенных

На протяжении 2009–2019 гг. доля опрошенных, которые предпочли бы сохранить сбережения, а не тратить их на покупку крупных вещей, практически не изменялась и составляла около 30%; в 2020–2021 гг. она выросла до 36%, а в 2022–2023 гг. — до 42%. Доля тех, кто ответил, что предпочёл бы потратить сбережения на крупные покупки, сократилась с одной трети в 2013 г. до одной четверти в 2023 г. (см. рис. 6). Этот вопрос измерял не столько поведение людей, сколько имеющиеся у них предпочтения, поскольку содержал условие «если есть или были бы сбережения».

Следующий вопрос был нацелен на выявление не предпочтений, а того, как респонденты распоряжались своими доходами (см. рис. 7). В 2020–2023 гг. доля респондентов, которые по возможности делают сбережения, выросла до 59–62% (с 52% в 2019 г.). Рассчитанный нами индекс, который измеряет выраженность сберегательных стратегий, показал наибольший рост в 2020–2022 гг.

Примечание: Формулировка вопроса: «Как Вы (Ваше домохозяйство) обычно распоряжаетесь доходами в повседневной жизни?»

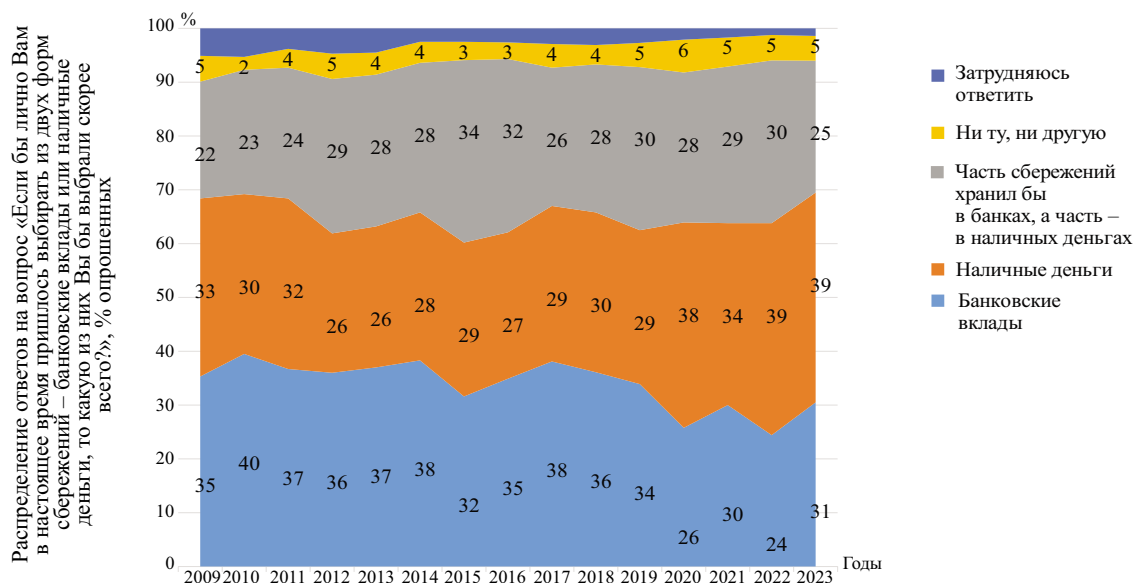
Индекс сберегательных стратегий рассчитан следующим образом:

$\% \text{ ответов «Стараемся сначала что-то отложить, а остальные деньги тратим на текущие нужды»} + 0,5 * \% \text{ ответов «Тратим деньги на текущие нужды, а что остаётся – откладываем»} - \% \text{ ответов «Тратим все деньги на текущие нужды и ничего не откладываем»}.$

Рис. 7. Сберегательные стратегии россиян, % опрошенных

С точки зрения способов хранения сбережений россияне предпочитают наличные и банковские депозиты [Радаев et al. 2023]. До 2019 г. доля россиян, предпочитающих банковские вклады наличным деньгам как способу хранения сбережений, была выше доли тех, кто указывал в ответе на такой вопрос наличные деньги, но в 2020–2023 гг. соотношение изменилось: так, в 2023 г. доля тех, кто выбирал вклады, составила 24% от всех опрошенных; доля тех, кто предпочитает наличные, — 39% (см. рис. 8).

Популярность сбережений в иностранной валюте оставалась относительно стабильной на протяжении 2009–2019 гг. (30–35%), затем произошёл рост данного показателя до 40% в 2020 г., после которого последовало резкое снижение до 20% в 2022 г.

Примечание: Формулировка вопроса: «Если бы лично Вам в настоящее время пришлось выбирать из двух форм сбережений — банковские вклады или наличные деньги, то какую из них Вы бы выбрали скорее всего?»

Рис. 8. Предпочтения наличной или безналичной формы сбережений, % опрошенных

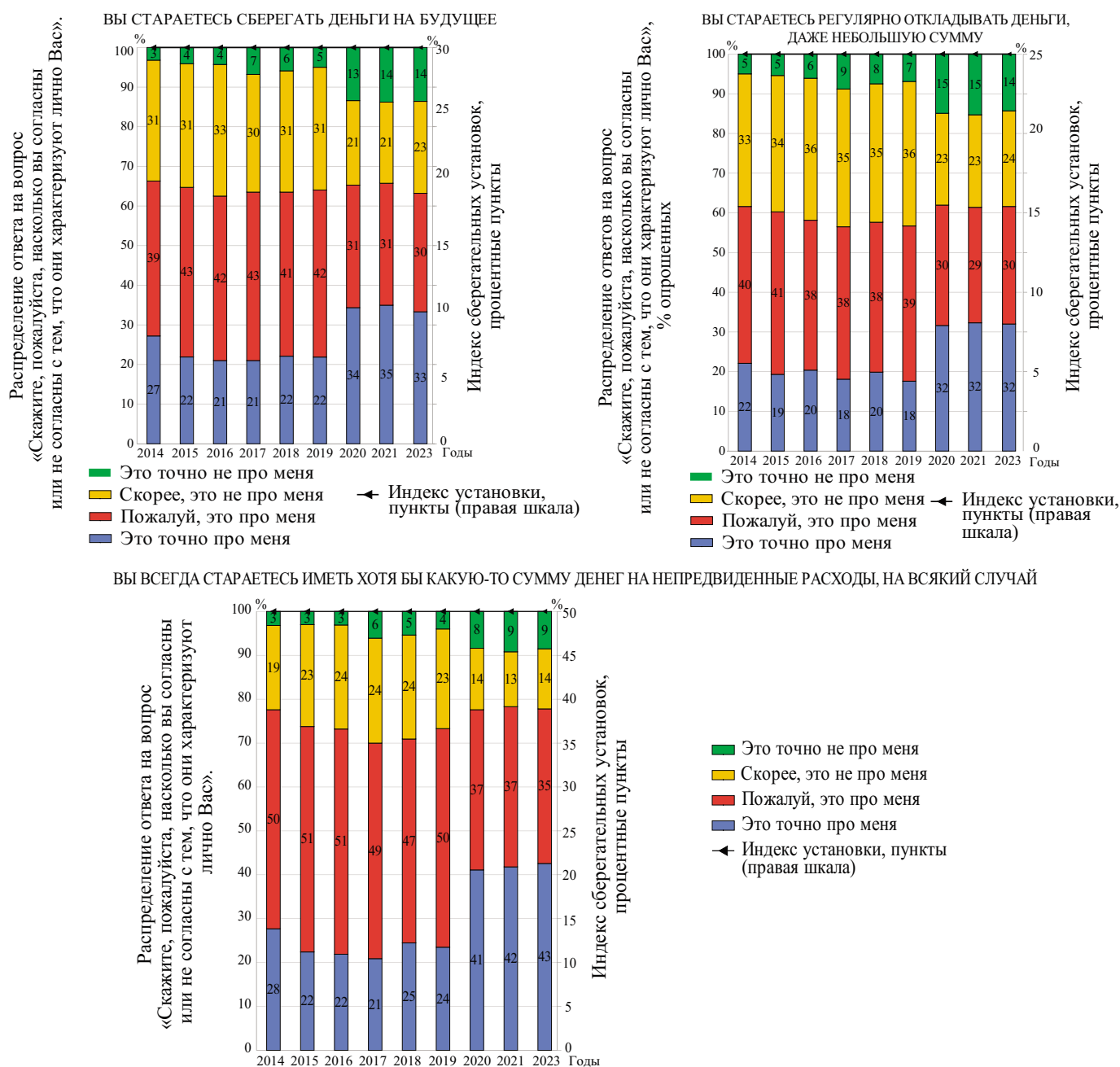
В опросах, проведённых в 2014–2021 гг. и в 2023 г., задавались вопросы, направленные на измерение сберегательных установок (см. рис. 9). Во-первых, по всем трём вопросам доля ответов, выражающих согласие, превышает долю ответов, выражающих несогласие. Во-вторых, распределение ответов по всем трём установкам демонстрирует одинаковую динамику: в 2020–2021 гг. и в 2023 г. резко выросла доля тех, кто выбрал позицию «Это точно про меня». Пандемия стала тем событием, которое актуализировало понимание необходимости делать сбережения.

Подводя итоги анализа динамики сберегательного поведения россиян в 2009–2023 гг., можно сказать следующее: в России лишь около трети населения имеет сбережения и их размер не так велик — подавляющее большинство из имеющих сбережения сообщают, что им хватит этих денег на срок менее года. Сократилась вариативность форм сбережений в восприятии населения, и предпочтения сместились на хранение сбережений в наличных рублях. В 2020–2021 гг. и в 2023 г. наблюдался рост установок на сбережения: респонденты всё чаще сообщали о том, что они стараются по возможности сберегать, но эти установки пока не привели к росту доли сберегателей и размеру сбережений. Иными словами, финансовая устойчивость большей части россиян находится на очень низком уровне и не увеличилась за время пандемии. Возможно, ключом к объяснению этого является отсутствие доверия финансовым институтам, к анализу которого мы переходим в следующем разделе.

Доверие: концептуальное и операциональное определения

В социологии понятие «доверие» является одной из основополагающих категорий для анализа. По образному выражению П. Штомпки, доверие — это атом социальной жизни во всех её проявлениях [Sztompka 1999]. Если мы хотим понять эту жизнь, нужно понять, как устроены её атомарные основы. Наличие доверия значительно облегчает как межличное, так и безличное взаимодействие между людьми. В силу мультипарадигмальности социологической теории определение понятия «доверие» и его типов до сих пор является одной из наиболее дискуссионных тем в социологии [Schilke, Reimann, Cook 2021]. Подходы и аргументы сторон в данной дискуссии мы оставим за рамками нашей работы, выбрав то определение, которое подходит для наших целей: концептуально под доверием чему-либо или кому-либо мы будем понимать уверенность людей в способности объекта быть предсказуемым.

Идея о том, что ключевой характеристикой доверия является именно предсказуемость поведения, восходит к определениям доверия у Г. Зиммеля, Н. Лумана, Дж. Коулмана, Э. Гидденса, Д. Гамбетты [Luhmann 1979; Giddens 1984; Coleman 1988; Gambetta 1988; Simmel 1990].

Примечание: Формулировка вопроса: «Сейчас я Вам зачитаю несколько утверждений. Скажите, пожалуйста, насколько вы согласны или не согласны с тем, что они характеризуют лично Вас».

Индекс установки рассчитан по следующей формуле:

$$\% \text{ ответов «Это точно про меня»} + 0,5 * \% \text{ ответов «Пожалуй, это про меня»} - 0,5 * \% \text{ ответов «Скорее, это про меня»} - \% \text{ «Это точно не про меня»}.$$

Рис. 9. Сберегательные установки россиян, % опрошенных

Общим для всех указанных авторов является то, что доверие снижает неопределённость будущего, позволяет сформировать ожидания относительно того, как будут вести себя другие, и на основании этого выработать собственные поведенческие стратегии. Судить о будущем поведении людей можно на основе либо опыта личного взаимодействия, либо понимания того, что наши контрагенты следуют

определённым правилам. Формируемое в обоих случаях доверие снижает вероятность обмана со стороны контрагентов, и у агентов появляется уверенность в том, что их контрагенты выполнят взятые на себя обязательства [Sirdeshmukh, Singh, Sabol 2002; Guiso 2010; Schilke, Reimann, Cook 2021].

Применительно к сберегательному поведению люди доверяют свои деньги банку потому, что они либо в прошлом имели положительный опыт личного взаимодействия с этим банком, либо знают о государственной системе страхования вкладов, которая в случае банкротства любого входящего в эту систему банка выплатит деньги по определённым правилам. Однако доверие является не только условием, но и результатом сберегательного поведения, поскольку если доверие и ожидания людей оправдываются в результате их действий, то это работает на укрепление доверия запуская новый цикл. Таким образом, доверие и сберегательное поведение оказываются взаимосвязаны и обуславливают друг друга.

В эмпирических исследованиях различают два способа измерения доверия: поведенческий (*behavioural*) и установочный (*attitudinal*). Поведенческий подход широко использует методы теории игр [Berg, Dickhaut, McCabe 1995]; его преимущество в том, что о доверии не спрашивается напрямую, о его наличии или отсутствии свидетельствует то, как действуют участники экспериментов при заданных исследователем условиях. Недостатком данного подхода является то, что такие исследования возможны только на малых выборках и требуют лабораторных условий, поэтому их результаты не всегда возможно распространить на всю генеральную совокупность. Для измерения на больших репрезентативных выборках используются вопросы, в которых респондентов просят самих оценить свой уровень доверия различным социально-политическим и финансовым институтам [Mishler, Rose 1997]. К подобным вопросам для измерения уровня доверия уже многие годы прибегают в самых различных исследованиях; например, с 2002 г. — в Европейском социальном исследовании (European Social Survey)⁵.

В нашем исследовании мы использовали набор вопросов о доверии различным социально-политическим и финансовым институтам⁶. На рис. 10–12 представлена динамика индексов доверия социально-политическим и финансовым институтам. Индексы рассчитывались как разница между долями доверяющих и не доверяющих им респондентов. Отрицательные значения говорят о том, что доля не доверяющих больше, чем доля доверяющих. Данные опросов показывают, что для России характерна ситуация недоверия большинству социально-политических и финансовых институтов, причём на протяжении 2013–2022 гг. уровень доверия, начиная с 2015 г., снижался, а в 2022–2023 гг. по большинству индексов показал рост. Доля положительных ответов стабильно выше доли негативных ответов только для индексов доверия Президенту России, Сберу и Банку России. Доверие социально-политическим институтам, индексы для которых были положительны в 2014–2015 гг., в последующие годы показали негативный тренд. Стоит обратить внимание на индекс доверия телевидению, который снизился сильнее всего.

⁵ См. официальный сайт European Social Survey (<https://www.europeansocialsurvey.org>).

⁶ Формулировка вопроса: «Я перечислю разные организации. Скажите, насколько Вы доверяете каждой из них: полностью доверяете; скорее доверяете; скорее не доверяете; совсем не доверяете?». Для упрощения интерпретации при анализе данных переменные доверия были перекодированы: значения «Не знаю, что это за организация» и «Затрудняюсь ответить» были отнесены к миссингам, а ответам была присвоена обратная кодировка: 1 — «Совсем не доверяю»; 2 — «Скорее не доверяю»; 3 — «Скорее доверяю»; 4 — «Полностью доверяю». В результате перекодировки с ростом доверия увеличивалось числовое значение переменной.

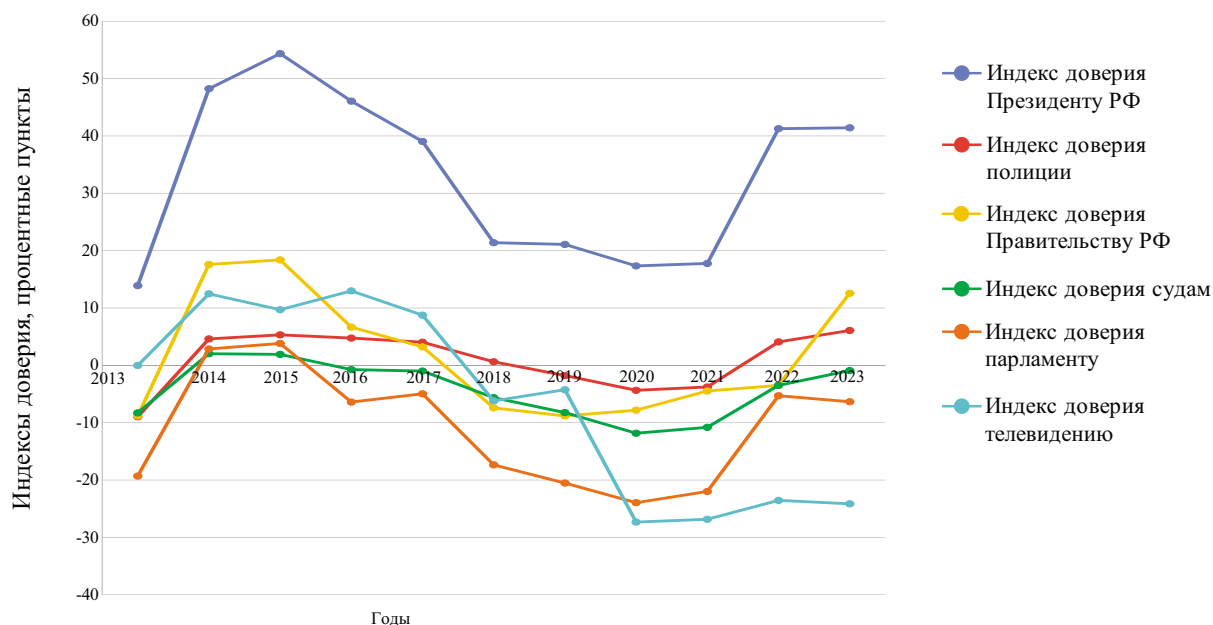

Рис. 10. Динамика индексов доверия социально-политическим институтам, процентные пункты

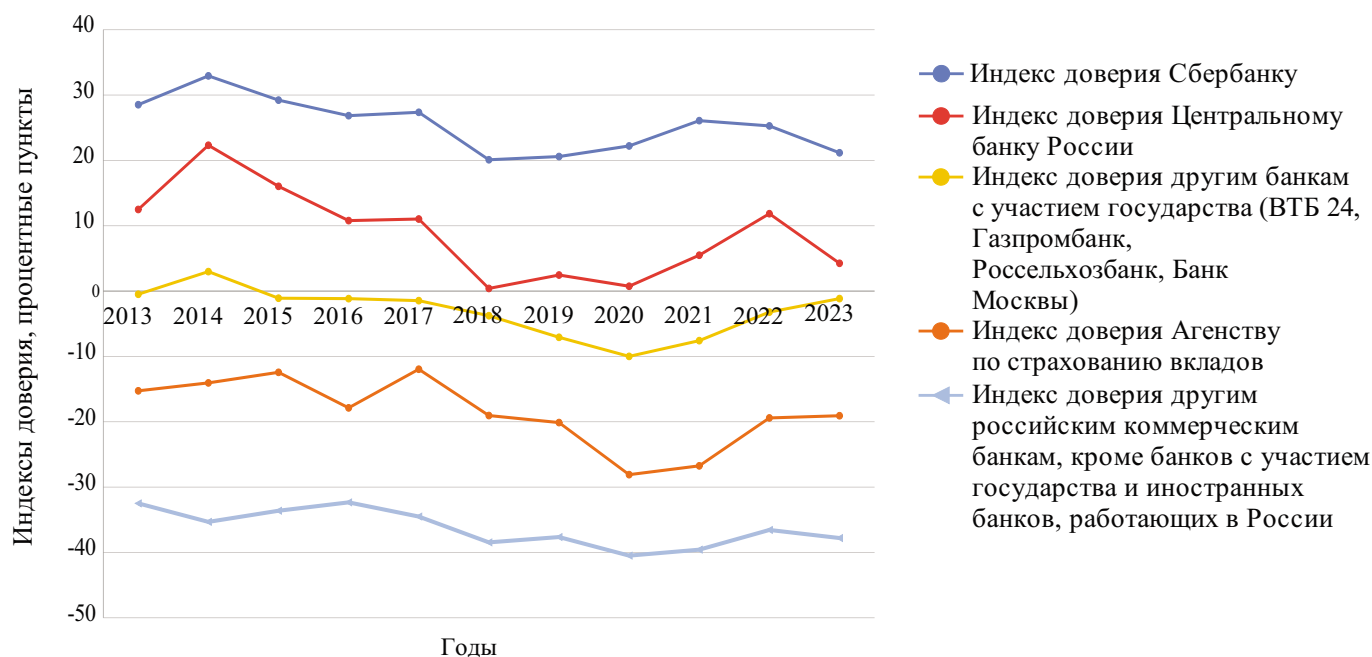
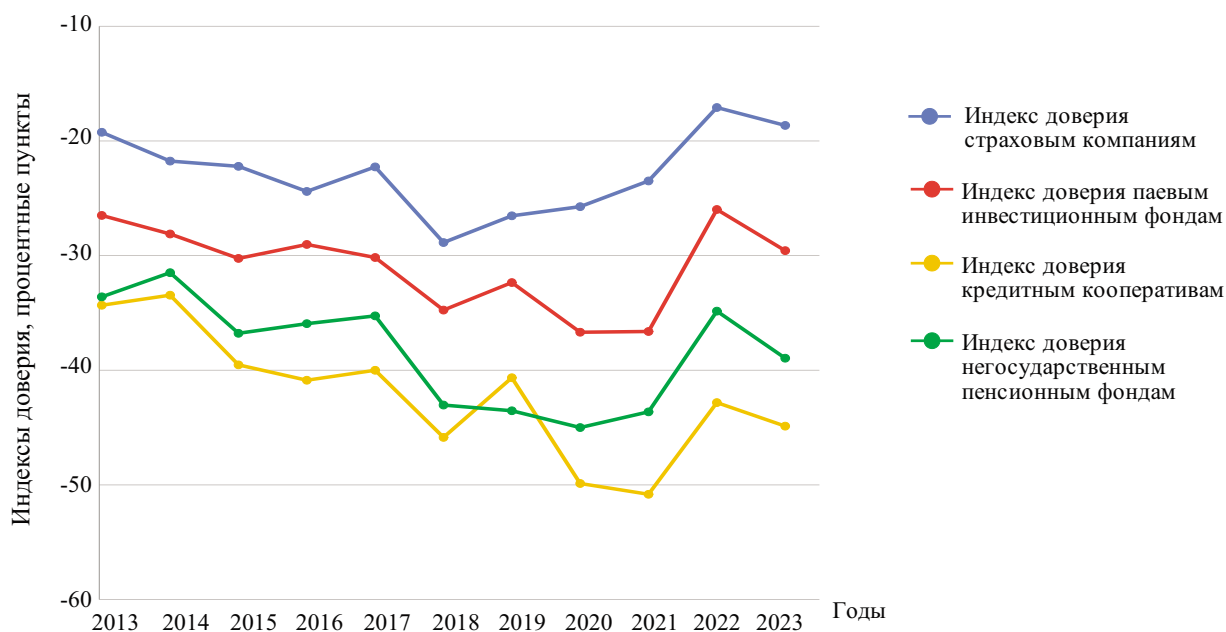

Рис. 11. Динамика индексов доверия банковским институтам, процентные пункты

Доверие финансовым организациям, за исключением Сбера и Банка России, несмотря на различные усилия со стороны государства и представителей финансового рынка, такие как цифровизация финансового сектора для розничного потребителя, повышение прозрачности банков, запуск программ финансового просвещения, не привели к переходу индексов в положительную зону. Среди негосударственных финансовых институтов нет ни одного, доверяющих которому было бы больше, чем не доверяющих (все индексы на протяжении 2013–2023 гг. находятся в отрицательной зоне).

Рис. 12. Динамика индексов доверия финансовым институтам, процентные пункты

Таким образом, опросы показывают высокий уровень недоверия большинству социально-политических и финансовых институтов. На протяжении 2013–2021 гг. подавляющее большинство индексов имело негативный тренд. Исключением из этого правила стал рост индексов доверия социально-политическим институтам в 2014–2015 гг., однако в последующие годы они вернулись к своим значениям 2013 г. Единственным социально-политическим институтом, доверие к которому упало ниже уровня 2013 г., стало телевидение.

Латентные факторы доверия институтам

Для уменьшения размерности пространства переменных по доверию мы использовали сводную базу данных за 2014–2021 гг. Метод главных компонент с вращением варимакс позволил свести 16 переменных в два ортогональных фактора. Величина меры адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина (КМО) близка к единице (0,940), что говорит о применимости выборки для факторного анализа, критерий Бартлетта значим (0,000), что свидетельствует о скоррелированности переменных в выявленных факторах.

В результате мы получили решение с двумя латентными факторами (компонентами), которые объясняют 63,9% совокупной дисперсии соответственно (см. приложение, табл. П.1). Первая компонента, связанная с доверием социально-политическим институтам, включала также доверие Сберу и Банку России, АСВ и госбанкам; вторая — доверие всем негосударственным финансовым институтам. Две переменные доверия — доверие АСВ и доверие госбанкам — оказались связаны сразу с обоими факторами даже после вращения.

Взаимосвязь доверия социально-политическим и финансовым институтам и наличие запаса сбережений: регрессионный анализ

Для оценки взаимосвязи доверия и сбережений мы использовали регрессионный анализ, предположив вслед за другими авторами (см.: [Guiso 2010; Chernykh, Davydov, Sihvonen 2019]), что сберегательное поведение домохозяйств связано с доверием финансовым институтам. Н. Додд пишет о том, что в Греции во время финансового кризиса недоверие населения банкам привело к тому, что стали массово

снимать деньги с банковских счетов и хранить наличные дома, несмотря на рост числа квартирных краж [Dodd 2014]. Низкий уровень доверия финансовой системе в целом и пережитый негативный опыт предыдущих банковских потрясений ведут к недоверию банкам во время новых кризисов, однако отсутствие случаев банкротства банков и демонстрация стабильности системы страхования вкладов предотвращают бегство вкладчиков из банков [Stix 2013; Knell, Stix 2015]. Подтверждается вывод, что доверие к финансовым институтам изменяется проциклически, снижаясь во время кризиса [Stevenson, Wolfers 2011; Cruijsen, Naan, Roerink 2021]. Причём на данных по Великобритании было выявлено, что уровень доверия Центральному банку был выше, чем уровень доверия коммерческим банкам и другим финансовым компаниям [Farrell, Fry, Fry 2020]. На экспериментальных рандомизированных данных по Перу был сделан вывод о том, что после проведения обучающих семинаров по финансовой грамотности для людей из низкодоходных групп населения выросло как доверие банкам, так и пользования ими [Galiani, Gertler, Ahumada 2022]. Исследование 10 стран Центральной и Восточной Европы показало, что недостаток доверия банкам приводит к хранению сбережений в наличной форме [Beckmann 2019]. Таким образом, в существующей литературе доверие рассматривается как условие, предпосылка сберегательного поведения, а не его следствие. В регрессионной модели в качестве зависимой была использована переменная о наличии или отсутствии сбережений в домохозяйстве. Тем не менее потенциально обратное влияние также возможно, поэтому интерпретировать результаты анализа в терминах влияния доверия на сбережения мы не будем.

Модели, которые оценивали влияние доверия на сбережения индивидов и домохозяйств, в качестве контрольных использовали такие переменные, как пол, возраст, образование, размер домохозяйства, наличие детей, семейный статус, респондент — глава домохозяйства, проживание в собственном жилье, статус занятости, религия [Beckmann 2019]. В исследованиях факторов наличия сбережений в банках и вложений на фондовом рынке оценивались также доступность финансовых институтов (банки, микрофинансовые организации) [Brown, Guin, Kirschenmann 2015], уровень финансовой грамотности [Rooij, Lusardi, Alessie 2011].

В таблице П.2 (см. приложение) представлены список переменных нашей модели, их обозначение, кодировка, обоснование, а также даны ссылки на работы, в которых эти переменные включались в модели сберегательного поведения населения. Описательные статистики по данным переменным представлены в таблице П.3 (см. приложение). Для оценки регрессионной модели мы использовали *probit*-регрессию с расчётом предельных эффектов для выборочного среднего по всем независимым переменным для выборок 2014–2021 гг.⁷ Сначала была оценена модель с набором социально-демографических объясняющих переменных (см. модель 1, табл. 1), затем мы увеличили их число, добавив переменные финансовой грамотности, пользования банковскими картами и Интернетом (модель 2, см. табл. 1). В третьей спецификации (см. модель 3, табл. 1) мы ввели переменные доверия (см. приложение, табл. П.1) и сберегательных установок (см. приложение, табл. П.4), полученные с помощью факторного анализа.

Полученные оценки по контрольным переменным показали, что сбережения не зависят от пола респондента. Коэффициенты при переменных «возраст» и «квадрат возраста» говорят о том, что связь между наличием сбережений и возрастом есть и она линейная, поэтому в финальных версиях моделей мы удалили переменную «квадрат возраста». Данный результат предсказуем, если исходить из логики моделей жизненного цикла: если люди выравнивают своё потребление с помощью сбережений, то вероятность наличия накоплений должна увеличиваться с возрастом [Paxson 1996; Denizer, Wolf 1998; Gregory, Mokhtari, Schrettl 1999; Deaton, Paxson 2000; Chamon, Prasad 2010]. Наличие высшего образования положительно связано с наличием сбережений, как и размер душевого дохода. Вероятность иметь сбережения была также положительно связана с наличием долгосрочной финансовой цели, бан-

⁷ В 2022 г. вопросы о сберегательных установках не задавались.

ковской карты, доступа к Интернету, знания о государственной системе страхования вкладов и с проживанием в крупном населённом пункте. Семейный статус был незначим, как и ведение письменного учёта доходов и расходов. В качестве базового года для серии дамми-переменных по годам был взят 2014 г. Значимые отличия от него в финальной спецификации были выявлены только для 2020 г. и 2021 г.: в эти годы вероятность иметь сбережения была ниже, чем в 2014 г.

Таблица 1

Результаты оценивания Probit-модели: зависимая переменная — наличие сбережений в домохозяйстве; предельные эффекты

Наименование переменных	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Пол	- 0,018*	- 0,004	0,010
Возраст	0,003***	0,005***	0,003***
Наличие высшего образования	0,070***	0,045***	0,039*
Натуральный логариф дохода	0,158***	0,146***	0,099***
Размер населённого пункта	0,039***	0,0269*	0,032*
Семейный статус	0,058***	0,016	0,028
Есть долгосрочная финансовая цель	—	0,124***	0,077***
Наличие банковской карты	—	0,056***	0,051*
Пользование Интернетом	—	0,083***	0,061***
Знание государственной системы страхования вкладов	—	0,099***	0,109***
Ведение письменного учёта доходов и расходов	—	0,082***	0,009
Год проведения опроса: 2015	—	- 0,021	0,004
Год проведения опроса: 2016	—	- 0,068**	- 0,025
Год проведения опроса: 2017	—	- 0,068**	- 0,021
Год проведения опроса: 2018	—	- 0,099***	- 0,053
Год проведения опроса: 2019	—	- 0,084***	- 0,017
Год проведения опроса: 2020	—	- 0,128***	- 0,142***
Год проведения опроса: 2021	—	- 0,137***	- 0,127***
Доверие политическим институтам, АСВ и госбанкам	—	—	0,022**
Доверие финансовым институтам, АСВ и госбанкам за исключением «Сбера»	—	—	0,037***
Сберегательные установки	—	—	0,247***
	Количество наблюдений: 10 893	Количество наблюдений: 8546	Количество наблюдений: 3957
	Статистика Вальда: 582,67	Статистика Вальда: 911,87	Статистика Вальда: 841,82
	Значимость: 0,0000	Значимость: 0,0000	Значимость: 0,0000
		Псевдо R2: 0,0961	Псевдо R2: 0,2324
	Псевдо R2: 0,0524		

Переменные сберегательных установок и доверия оказались положительно связаны с наличием сбережений. Иными словами, можно говорить о том, что финансовая устойчивость, измеренная через наличие финансового резерва, положительно связана с доверием населения социальным институтам и сберегательными установками.

Создание сбережений в условиях (не)доверия: выявление ассоциативных правил

Регрессионный анализ показал положительную корреляцию между доверием и наличием сбережений, однако хотелось бы понять, как связаны не латентные факторы доверия и сберегательных установок, полученные методом главных компонент, а непосредственно те переменные, которые измеряли доверие конкретным социально-политическим или финансовым институтам и установки. Ответ на поставленный вопрос может дать применение метода ассоциативных правил. Данный метод появился в маркетинге для оптимизации размещения товаров на полках. Суть данного метода в том, чтобы обнаружить повторяющийся набор элементов в наборе данных, или выделение набора событий, которые произошли одновременно [Agrawal et al. 1996; Man 2018]. Это позволяет выявлять наборы покупок, совершаемых одновременно и регулярно. Такие наборы размещают на соседних полках, что облегчает выбор потребителя и стимулирует покупки. Позже этот метод стал использоваться для более широкого круга задач как в маркетинге, так и в других областях; например, в строительстве и в медицинских исследованиях. Также уже есть примеры ассоциативного анализа результатов массовых опросов населения: изучение взаимосвязи между жизненным счастьем отдельных людей в обществе и их условиями жизни и установками [Pan et al. 2019]; анализ факторов успеваемости студентов [Herawan, Chiroma, Vitasari 2015]. Нахождение ассоциативных правил широко практикуется при сегментировании потребителей, в том числе потребителей финансовых услуг [Amoozad Mahdiraji et al. 2022].

Примеров ассоциативного анализа результатов социологических исследований пока не так много, поэтому поясним логику применения данного анализа к результатам опросов. Базовым понятием ассоциативного анализа является «транзакция», то есть множество событий, которые произошли одновременно. В анализе рыночной корзины транзакцией является чек, фиксирующий факт покупки определённого набора товаров. В анализе результатов опросов транзакцией будут ответы на вопросы анкеты одного респондента. Транзакционной базой данных будет совокупность результатов опроса всех респондентов.

Ассоциативные правила позволяют описать взаимную связь (ассоциацию) между наборами данных (предметов, событий, наблюдений и т. д.), соответствующими условию и следствию. Для анализа результатов опроса ассоциативные правила устанавливают взаимосвязь между наборами ответов респондентов, то есть выделяют наиболее часто встречающиеся наборы ответов респондентов в опросе. Ассоциативное правило имеет следующий вид: «Из события А (набор ответов респондента) следует событие В (другой набор ответов)». В результате такого анализа мы устанавливаем логическую закономерность следующего вида: «Если в транзакции (анкета) встретился набор ответов А, то можно сделать вывод, что в этой же транзакции (анкета) должен появиться набор ответов В». Выделенная логическая закономерность называется ассоциативным правилом.

Для характеристики ассоциативных правил, используются такие показатели, как поддержка (*support*), достоверность (*confidence*) и лифт (*lift*) [Agrawal et al. 1996; Седова, Раменская, Безбородникова 2015; Tsui et al. 2023]. Предположим, что мы хотим выявить ассоциативные правила для событий А и В.

Поддержкой правила (*support*) называют долю транзакций, в которых одновременно встречаются события А и В в общем количестве транзакций. Поддержка может варьироваться от 0 до 100%. Чем выше значение поддержки, тем чаще данная комбинация встречается и тем более значимой она считается.

$$\text{Support}(A \rightarrow B) = P(A \cup B)$$

Достоверность правила (*confidence*) показывает, какова доля транзакций, в которых события А и В происходят одновременно в общем количестве транзакций с событием А (с В или без В). Уровень досто-

верности также варьируется от 0 до 100%. Чем выше значение достоверности, тем более надёжной и значимой считается связь между элементами.

$$\text{Confidence}(A \rightarrow B) = P(A \cup B) / P(A) = \text{Support}(A \rightarrow B) / \text{Support}(A)$$

Показатель лифт (*lift*) позволяет охарактеризовать, насколько появление наборов ответов А и В зависят друг от друга. Это отношение частоты появления события А в транзакциях, которые также содержат и событие В, к частоте появления А в целом.

$$\text{Lift}(A \rightarrow B) = \text{Confidence}(A \rightarrow B) / \text{Support}(B)$$

Если *lift* = 1, то наборы ответов независимы и правил их совместного появления нет. Если *lift* > 1, то правила есть и чем выше значение данного параметра, тем выше вероятность появления события В, если есть событие А. Если *lift* < 1, это означает, что связанность у наборов есть, но обратная, то есть наличие набора ответов А делает маловероятным появление набора ответов В. Лифт характеризует полезность правила для разработки решений на их основе, изменятся от 0 до бесконечности.

Количественно значения поддержки, достоверности и лифта не регламентируются. Выбор лимитирующих значений зависит от целей исследования. Принято выделять полезные, тривиальные и непонятные правила. Полезные правила — это те, которые позволяют получить ранее неизвестную информацию, на основе чего можно принимать решения. Тривиальные правила описывают общеизвестные, очевидные зависимости, которые могут использоваться для проверки эффективности принятых решений. Непонятные правила — зависимости, не поддающиеся интерпретации. Правила с высоким уровнем поддержки и высокой достоверностью чаще можно отнести к тривиальным, но следует отметить, что полученные зависимости могут быть понятны для экспертов, а ассоциативный анализ позволяет дать количественную оценку экспертной «интуиции».

Задача алгоритма состоит в том, чтобы установить закономерности появления двух событий одновременно и определить, что будет условием, а что следствием в ассоциативном правиле. Однако эти закономерности не могут интерпретироваться в терминах причинно-следственной взаимосвязи. Так, классический пример для данного метода о наличии связи между покупкой памперсов и пива в пятницу вечером (см.: [Power 2004]) говорит о том, что в это время за памперсами в магазин посылают мужей, которые покупают памперсы для ребёнка и пиво для себя. При этом обратное не будет верным: если кто-то пришёл за пивом, то вероятность того, что он купит памперсы, невелика. Иными словами, сравнивая эти вероятности можно понять, что является условием, а что следствием, но в любом случае покупка памперсов не будет причиной покупки пива.

Какие задачи данный метод может решить для нашей исследовательской проблемы о выявлении связи между доверием и сберегательным поведением? Алгоритм выделяет наиболее часто встречающиеся неслучайные наборы ответов, поэтому, используя вопросы о наличии сбережений, сберегательных установках и доверии различным институтам, мы можем оценить, как наличие сбережений связано с доверием тем или иным институтам, а также с наличием или отсутствием сберегательных установок. Доверяют ли финансовой системе те, у кого есть сбережения? Связано ли наличие сбережений со сберегательными установками? Является ли доверие государственным банкам условием для наличия доверия частным банкам, российским или иностранным⁸, а доверие АСВ и Банку России — условием для доверия российским банкам? Доверие каким социально-политическим институтам сочетается с

⁸ Строго говоря, иностранных банков в России нет, поскольку законодательство запрещает создание филиалов иностранных банков на территории России. Банки с иностранными названиями — это дочерние российские банки с участием иностранного капитала. То же касается и распространённого представления о противопоставлении государственных и коммерческих банков. Государственным банком в России является только Центральный банк РФ; он же — регулятор финансового

доверием банкам? Как сберегательные установки связаны с доверием банкам? Наконец, изменились ли и, если да, то как, сочетания интересующих нас ответов респондентов в 2020–2021 гг. по сравнению с доковидным периодом (2014–2019 гг.).

В качестве исходного набора для нашего алгоритма мы использовали переменные, показанные в таблице (см. табл. 2).

Таблица 2

Набор переменных и их кодировки для ассоциативного анализа

Переменная	Код 1	Код 0
Наличие или отсутствие сбережений в домохозяйстве	Есть сбережения	Нет сбережений
Сберегательная установка («Насколько утверждение: “Вы стараетесь регулярно откладывать деньги, даже небольшую сумму”, — характеризует лично Вас?»)	«Это точно про меня» и «Скорее, это про меня»	«Скорее, это не про меня» и «Это точно не про меня»
Доверие телевидению	«Полностью доверяю» и «Скорее, доверяю»	«Скорее, не доверяю» и «Совсем не доверяю»
Доверие Правительству РФ	«Полностью доверяю» и «Скорее, доверяю»	«Скорее, не доверяю» и «Совсем не доверяю»
Доверие Агентству по страхованию вкладов (АСВ)	«Полностью доверяю» и «Скорее, доверяю»	«Скорее, не доверяю» и «Совсем не доверяю»
Доверие «Сберу»	«Полностью доверяю» и «Скорее доверяю»	«Скорее, не доверяю» и «Совсем не доверяю»
Доверие другим банкам с участием государства	«Полностью доверяю» и «Скорее, доверяю»	«Скорее, не доверяю» и «Совсем не доверяю»
Доверие банкам с иностранным участием	«Полностью доверяю» и «Скорее, доверяю»	«Скорее, не доверяю» и «Совсем не доверяю»
Доверие другим российским коммерческим банкам, кроме банков с участием государства и иностранных банков, работающих в России	«Полностью доверяю» и «Скорее, доверяю»	«Скорее, не доверяю» и «Совсем не доверяю»

Необходимые нам вопросы задавались в 2014–2021 гг., ассоциативные правила были рассчитаны для двух периодов — до пандемии (2014–2019 гг.) и время пандемии (2020–2021 гг.), поскольку в регрессионном анализе было выявлено различие именно в такой периодизации. Это разделение на периоды также следует из анализа динамики сберегательных установок и поведения россиян. В таблице П.5 (см. приложение) представлены ассоциативные правила для двух периодов и основные параметры правил, полученные в программе Orange Data Mining⁹. На первом этапе анализа нас интересовали наиболее распространённые наборы ответов, поэтому поддержка была установлена на уровне 40% и выше с высокой достоверностью (отсечение было выполнено на уровне 90% и выше).

Все полученные правила характеризуются значением лифта больше 1; следовательно, все наборы неслучайны. Для 2014–2019 гг. было выделено 29 правил, а для 2020–2021 гг. — 27 правил; при этом в обоих периодах 19 правил совпали; уникальных правил в допандемийном периоде — 10, в пандемийном — 8.

рынка, поэтому не предоставляет банковских услуг потребителям. «Сбер», ВТБ, «Почта Банк», Россельхозбанк — коммерческие банки с государственным участием, в которых государству принадлежит контрольный пакет акций.

⁹ См. URL: <https://orangedatamining.com/> (см. также описание модуля ассоциативного анализа URL: <https://pypi.org/project/Orange3-Associate/>).

При заданном уровне поддержки и достоверности правила, содержащие одновременно и переменные (наличие или отсутствие сбережений, сберегательная установка и доверие), не сформировались. Содержательно большинство правил характеризует сочетание ответов по недоверию всем отобранным для анализа организациям, поскольку, как было отмечено ранее, недоверяющих им в России больше, чем доверяющих. При этом доверие Президенту как популярный ответ в опросах по доверию не встретился ни в качестве условия, ни в качестве следствия в наиболее распространённых правилах.

Среди общих для обоих периодов самой высокой поддержкой обладали ассоциации недоверия иностранным и коммерческим банкам: если респонденты не доверяют иностранным банкам, то они не доверяют и коммерческим. Причём обратное соотношение тоже было достаточно распространённым: при условии недоверия коммерческим банкам не доверяли и иностранным, однако только в том случае, если оно дополнялось недоверием АСВ или госбанкам либо отсутствием сбережений.

Интересно также то, что недоверие госбанкам часто встречалось среди условий, но никогда среди следствий. То же касается и недоверия АСВ: в сочетании с недоверием коммерческим банкам оно становилось условием недоверия иностранным, а недоверие АСВ и иностранным банкам ассоциировалось с недоверием коммерческим. Два правила содержали в качестве условия недоверие Правительству России, которое в сочетании с недоверием иностранным банкам имело следствием недоверие коммерческим (и наоборот).

Только два правила содержали доверие: (1) «Если доверяют госбанкам, то доверяют и Сбербанку» и (2) «Если доверяют Сбербанку и не доверяют иностранным банкам, то не доверяют и коммерческим банкам». Первое правило имеет не только высокую поддержку и достоверность, но и самое высокое значение лифта среди всех правил.

В правилах, объединяющих сберегательный опыт и доверие, также фиксируется негативная коннотация: отсутствие сбережений в сочетании с недоверием коммерческим банкам имело следствием недоверие иностранным (и наоборот).

Среди правил, получивших высокую поддержку только в 2014–2019 гг., есть сочетания, в которых условием выступает положительная сберегательная установка, однако она сочетается с недоверием АСВ, иностранным и коммерческим банкам, а в качестве следствий имеет недоверие данным типам банков. С началом пандемии поддержка данных правил значительно снизилась (снижение около 10%), что свидетельствует о том, что данное правило стало реже встречаться в ответах респондентов.

Спецификой правил, полученных только в 2020–2021 гг., стало появление правил, включающих недоверие телевидению, а также отсутствие сбережений. Трансформация наборов правил для 2014–2019 гг. и 2020–2021 гг. свидетельствует об изменении структуры взаимосвязей доверия и сберегательного поведения.

Итак, анализ наиболее часто встречающихся неслучайных наборов ответов респондентов, направленный на поиск взаимосвязей между сберегательным опытом, установками и доверием показал, что при уровне поддержки правил не менее 40% и с достоверностью не менее 90% распространены наборы ответов, сочетающие недоверие разным социально-политическим и финансовым институтам, отсутствие сбережений и позитивная установка на сбережения, при этом одновременно наличие сбережений и установки на сбережение в правилах не встретилась. Таким образом, можно говорить о том, что ассоциативный анализ при заданных нами параметрах распространённости и достоверности правил не выявил правил, которые связывали бы доверие и сбережения. Возможно, такие связи могли бы появиться при снижении пороговых значения для поддержки.

На следующем этапе анализа мы, снижая уровень поддержки правил, выделили правила, объединившие все интересующие нас переменные (см. табл. 3). Анализируя наборы ответов респондентов о наличии или отсутствии сбережений, сберегательных установок и доверия, при снижении поддержки до 25% было сформировано 12 правил для 2014–2019 гг. и только три правила для 2020–2021 гг. (эти три правила есть и в наборах для первого периода, но уровень их поддержки снизился). Общим для всех полученных правил является отсутствие сбережений при наличии позитивной сберегательной установки и отсутствие доверия АСВ. При снижении уровня поддержки до 15% и сохранении достоверности на уровне 90% правил, содержащих ответы, указывающие на наличие сбережений, не было сформировано; это свидетельствует о том, что такие наборы не являются распространёнными, достоверными и неслучайными.

Таблица 3

Ассоциативные правила, описывающие сочетание ответов респондентов о наличии или отсутствии сбережений, сберегательных установках и доверии (поддержка не менее 25%; достоверность не менее 90%)

Поддержка	Достоверность	Лифт	Условие	Следствие
Правила, полученные для 2014–2019 гг.				
Всего 227 правил; из них 45 содержат сберегательные установки, в том числе 12 с ответами об отсутствии сбережений				
0,377	0,938	1,223	Нет сбережений, установка позитивная, коммерческие банки = не доверяете	→ Иностранные банки = не доверяете
0,377	0,960	1,219	Нет сбережений, установка позитивная, иностранные банки = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете
0,313	0,940	1,194	Нет сбережений, установка позитивная, АСВ = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете
0,307	0,922	1,202	Нет сбережений, установка позитивная, АСВ = не доверяете	→ Иностранные банки = не доверяете
0,301	0,961	1,252	Нет сбережений, установка позитивная, АСВ = не доверяете, коммерческие банки = не доверяете	→ Иностранные банки = не доверяете
0,301	0,979	1,244	Нет сбережений, установка позитивная, АСВ = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете
0,301	0,903	1,238	Нет сбережений, установка позитивная, АСВ = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете, иностранные банки = не доверяете
0,277	0,978	1,274	Нет сбережений, установка позитивная, госбанки = не доверяете	→ Иностранные банки = не доверяете
0,275	0,972	1,234	Нет сбережений, установка позитивная, госбанки = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете
0,272	0,958	1,313	Нет сбережений, установка позитивная, госбанки = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете, иностранные банки = не доверяете
0,272	0,986	1,285	Нет сбережений, установка позитивная, коммерческие банки = не доверяете, госбанки = не доверяете	→ Иностранные банки = не доверяете
0,272	0,980	1,245	Нет сбережений, установка позитивная, госбанки = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете

Таблица 3. Окончание

Под- держка	Досто- вер- ность	Лифт	Условие	Следствие
Правила, полученные для 2020–2021 гг.				
Всего 227 правил, из них 45 содержат сберегательные установки, в том числе в том числе три с ответами об отсутствии сбережений				
0,290	0,901	1,199	Нет сбережений, установка позитивная, коммерческие банки = не доверяете	→ Иностранные банки = не доверяете
0,290	0,959	1,197	Нет сбережений, установка позитивная, иностранные банки = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете
0,256	0,927	1,157	Нет сбережений, установка позитивная, АСВ = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете

Возвращаясь к поставленным нами вопросам о том, как связаны наличие сбережений и доверие институтам, можно утверждать, что даже при установке на сбережения не формируются правила, в которых есть сбережения или есть доверие. Снижение количества ассоциативных правил и уровня их поддержки в 2020–2021 гг., по сравнению с 2014–2019 гг., свидетельствует об изменениях в соотношении сберегательного опыта, сберегательных установок и доверия институтам. Изменения носят, скорее, негативный характер, так как не появляются правила, описывающие взаимосвязь наличия сбережений со сберегательными установками и доверием финансовым институтами. Результаты ассоциативного анализа взаимосвязи доверия финансовым институтам и финансовой неустойчивости домохозяйств свидетельствуют о том, что недоверие финансовым институтам сдерживает рост финансовой устойчивости.

Заключение

Наша работа мотивирована исследованиями, в которых был получен вывод о том, что в период кризиса финансовая устойчивость домохозяйств во многих странах возросла за счёт увеличения сбережений и числа сберегателей. Это случилось благодаря тому, что, с одной стороны, негативные ожидания относительно будущего стимулировали формирование сбережений «на черный день», а с другой, возможности тратить деньги на потребление в кризис были сильно ограничены из-за противокризисных мер. Кейс России был интересным тем, что на протяжении 2009–2023 гг. россияне несколько раз оказывались в условиях экономических шоков с характерными для них высокой неопределённостью и негативными ожиданиями относительно будущего, что могло привести к увеличению числа домохозяйств, имеющих сбережения «на черный день». Однако этого не произошло. Мы предположили, что одним из возможных препятствий является отсутствие доверия населению большинству социальных институтов, в частности — банковским и финансовым.

Рассмотрев динамику доверия и сберегательного поведения населения, мы пришли к выводу о том, что установка на сбережение, действительно, стала намного более распространённой в 2020 г. и 2021 г., однако это практически не отразилось на сберегательном поведении: доля россиян, имеющих сбережения, не изменилась; на протяжении 2009–2023 гг. она составляла около трети респондентов. Опыт пандемии и неопределённость в отношении будущего способствуют распространению установок на необходимость формирования финансовых резервов, однако сужение набора инструментов для хранения сбережений и переключение на наличные рубли в условиях высокого инфляционного риска фактически блокируют превращение этих установок в конкретные действия.

Социально-политическая и финансовая ситуация в России характеризуется высоким уровнем недоверия институтам. Большинству институтов, как социально-политических, так и финансовых, россияне не доверяют. Есть всего три института (из 16), индекс доверия которым устойчиво находится в зоне

положительных значений: Президент, «Сбер» и Банк России. Использование метода главных компонент для снижения размерности пространства видов доверия выявило два латентных фактора: первый объединил доверие политическим институтам, Банку России, АСВ и госбанкам, второй — доверие негосударственным финансовым институтам, АСВ и госбанкам за исключением «Сбера». Оценка регрессионной модели показала, что оба фактора имеют статистически значимую положительную связь с наличием сбережений.

Применённый ассоциативный анализ при заданных параметрах распространённости и достоверности правил не выявил правил, которые связывали бы доверие и наличие сбережений. Содержательно большинство правил характеризует сочетание ответов по недоверию всем отображенным для анализа институтам и отсутствию сбережений.

Спецификой правил, полученных только в 2020–2021 гг., стало, во-первых, появление в них недоверия телевидению, во-вторых, сочетание отсутствия сбережений и недоверия АСВ. Финансовая неустойчивость домохозяйств, связанная с отсутствием сбережений, в сочетании с недоверием как финансовым, так и социально-политическим институтам, являются для России распространённым правилом. При этом недоверие финансовым институтам в последние годы все больше связано с установкой на создание сбережений.

Принимая во внимание рост объёма наличных денег на руках у населения, можно предположить, что недоверие банкам и другим финансовым институтам способствует увеличению сбережений в наличных рублях, однако в условиях высокой инфляции этот способ ведёт к снижению их покупательной способности и росту интереса к поиску альтернативных способов хранения сбережений (криптовалюта, индивидуальные инвестиционные счета, материальные активы и др.), что, в свою очередь, может провоцировать рост распространения финансового мошенничества. И хотя популярность сбережений в иностранной валюте в последние годы снижалась, если инфляция будет высокой, а доверие банкам низким, можно предположить рост интереса к хранению сбережений в наличной иностранной валюте и материальных активах. А если и эти каналы будут ограничены, то не исключён рост к снижению сберегательной активности россиян, а следовательно, увеличение их финансовой неустойчивости.

Приложение

Таблица П.1

Матрица факторных нагрузок латентных переменных доверия (указаны нагрузки выше 0,4)*

Насколько вы доверяете?..	Компоненты (критерий Кайзера)	
	Доверие социально-политическим институтам, «Сберу», АСВ и госбанкам	Доверие финансовым институтам, кроме «Сбера» и Банка России
Правительству РФ	0,844	
Президенту РФ	0,801	
Парламенту РФ	0,792	
судам	0,739	
полиции	0,731	
Банку России	0,723	
телевидению	0,655	
Сбербанку	0,649	
Кредитным кооперативам		0,819
Паевым инвестиционным фондам		0,818
Другим российским коммерческим банкам, кроме банков с участием государства и иностранным банкам, работающим в России		0,817
Иностраным банкам, работающим в России (например, Ситибанк, Райффайзенбанк и др.)		0,796
Негосударственным пенсионным фондам		0,768
Страховым компаниям		0,733
Агентству страхования вкладов	0,492	0,591
Другим банкам с участием государства: ВТБ24, Газпромбанк, Россельхозбанк, Банк Москвы	0,468	0,578

* Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за три итерации.

Таблица П.2

Список независимых переменных, использованных для спецификации модели

Переменная	Кодировка	Обоснование	Ссылки на источники
Пол	1 — мужчина 0 — женщина	Сберегательное поведение женщин и мужчин различается	[Fisher 2015]
		Женщины сберегают меньше	[Fisher 2010; Basiglio et al. 2020]
		Женщины имеют более высокую склонность к сбережениям	[Seguino, Floro 2003; Devaney, Anong, Whirl 2007]
		Нет связи	[Swasdpeera, Pandey 2012; Beckmann, Hake, Urvova 2013]
		Неоднозначная связь	[Abdelkhalek et al. 2010]
Возраст и возраст в квадрате	Количество полных лет	Согласно модели жизненного цикла норма сбережений изменяется с возрастом нелинейно (сначала растёт, потом снижается); следовательно, вероятность нормы сбережений будет выше у респондентов среднего возраста. Однако наличие сбережений будет связано линейно и положительно	[Modigliani, Brumberg 1954; Ando, Modigliani 1963; Poterba 1996; Cocco, Gomes, Maenhout 2005; Deaton 2005; Beckmann, Hake, Urvova 2013]
Высшее образование	1 — есть высшее образование, законченное и незаконченное 0 — нет высшего образования	Высшее образование позволяет лучше оценивать соотношение рисков и доходности и принимать более эффективные решения в потреблении	[Morisset, Revoredo 1995; Poterba, Wise 1996; Joo, Grable 2000; Hogarth 2002; Lusardi 2008; Rooij, Lusardi, Alessie 2011; Chowa, Masa, Ansong 2012; Minh et al. 2013; Beckmann, Hake, Urvova 2013]
Доход	Логарифм среднедушевого дохода домохозяйства*	С ростом дохода увеличивается вероятность того, что у домохозяйства будут сбережения	[Duesenberry 1949; Modigliani, Brumberg 1954; Friedman 1957; Minh et al. 2013; Nalin 2013; Beckmann, Hake, Urvova 2013]
Размер населённого пункта	1 — города от 500 тыс. жителей и больше 0 — населённые пункты менее 500 тыс. жителей	Положительная связь, так как в населённых пунктах большего размера у домохозяйств есть более широкий доступ к сберегательным инструментам и информации	[Grigoli, Herman, Schmidt-Hebbel 2014]
Семейный статус	1 — состоит в официальном или не официальном браке 0 — не состоит в браке	Если респонденты состоят в браке, то вероятность сбережений ниже, так как у них больше расходов и обязательств	[Glazer 2008; Kostakis 2012; Love 2009; Nalin 2013]
		Состоящие в браке могут экономить на эффекте масштаба, и это увеличивает вероятность наличия сбережений	[Knoll, Tamborini, Whitman 2012]
Есть долгосрочная финансовая цель	1 — есть цель 0 — нет цели	Наличие долгосрочных целей стимулирует формирование сбережений	[Nam et al. 2016]
Наличие банковской карты	1 — есть карта 0 — нет карты	Наличие банковской карты открывает доступ к банковским сберегательным инструментам, что повышает вероятность сбережений	[Bachas et al. 2021]

Переменная	Кодировка	Обоснование	Ссылки на источники
Пользование Интернетом	1 — пользуется Интернетом 0 — не пользуется Интернетом	Доступ к Интернету повышает информированность пользователей о способах хранения средств, что повышает вероятность наличия сбережений	[Glaser, Klos 2013]
Знание государственной системы страхования вкладов	1 — правильный ответ на тестовый вопрос 0 — неправильный ответ на тестовый вопрос или нет ответа	Финансовая грамотность положительно связана с наличием сбережений	[Lusardi, Mitchell 2007; Clark, D'Ambrosio 2008; Landerretche, Martinez 2013; Deuflhard, Georganakos, Inderst 2015]
Доверие политическим институтам, АСВ, госбанкам	Факторные нагрузки (см. табл. П.1)	Доверие социально-политическим институтам положительно связано со сбережениями	[Balloch, Nicolaei, Philip 2015]
Доверие финансовым институтам, АСВ, госбанкам, за исключением Сбера	Факторные нагрузки (см. табл. П.1)	Доверие финансовым институтам положительно связано со сбережениями	[Balloch, Nicolaei, Philip 2015]
Сберегательные установки	Факторные нагрузки (см. табл. П.3)	Сберегательные установки положительно связаны с формированием сбережений	[Lindqvist 1981]
Ведение письменного учёта доходов и расходов	1 — ведут учёт 2 — не ведут учёта	Ведение учёта положительно связано с наличием сбережений	
Период проведения опроса	2014–2021 гг.	Сбережения населения контрцикличны, то есть увеличиваются во время кризиса, снижаются во время экономической стабилизации	[Adema, Pozzi 2015]
		Сбережения населения процикличны	[Friedman 1957]

* Переменная дохода домохозяйства рассчитана на основе двух вопросов: прямого вопроса о доходах домохозяйства за последний месяц и вопроса с интервальными закрытиями в случае, если нет ответа на прямой вопрос. Во этом втором случае в качестве оценки дохода использовалось среднее значение интервала. Для расчёта среднедушевого дохода домохозяйства общий доход делился на количество членов домохозяйства.

Таблица П.3

Описательные статистики переменных в регрессии

Наименование переменной	Число наблюдений (Obs)	Среднее значение (Mean)	Стандартное отклонение (Std. Dev.)	Минимальное значение (Min)	Максимальное значение (Max)
Наличие сбережений	12,589	0,361	0,480	0	1
Пол	12,963	0,450	0,498	0	1
Возраст	12,963	45,166	16,414	18	95
Высшее образование	12,963	0,276	0,447	0	1
Доход	11,119	9,638	0,683	5,992	13,122
Размер населённого пункта	12,963	0,295	0,456	0	1
Семейный статус	12,963	0,601	0,489	0	1
Есть долгосрочная финансовая цель	12,652	0,467	0,498	0	1
Наличие банковской карты	12,963	0,768	0,422	0	1
Пользование Интернетом	10,533	0,365	0,482	0	1
Знание государственной системы страхования вкладов	12,963	0,294	0,456	0	1
Доверие политическим институтам, АСВ и госбанкам	5,668	0,000	1	2,992	2,691
Доверие финансовым институтам, АСВ и госбанкам, за исключением Сбера	5,668	0,000	1	3,392	2,422
Сберегательные установки	12,652	0,000	1	1,460	2,342
Ведение письменного учёта доходов и расходов	12,682	0,304	0,459	0	1
Год проведения опроса: 2014	12,963	0,126	0,332	0	1
Год проведения опроса: 2015	12,963	0,123	0,329	0	1
Год проведения опроса: 2016	12,963	0,123	0,329	0	1
Год проведения опроса: 2017	12,963	0,124	0,329	0	1
Год проведения опроса: 2018	12,963	0,126	0,332	0	1
Год проведения опроса: 2019	12,963	0,126	0,332	0	1
Год проведения опроса: 2020	12,963	0,126	0,332	0	1
Год проведения опроса: 2021	12,963	0,127	0,333	0	1

Таблица П.4

Матрица факторных нагрузок (указаны нагрузки выше 0,4)*

Суждения	Компоненты (критерий Кайзера)
	1
Вы стараетесь регулярно откладывать деньги, даже небольшую сумму	0,915
Вы стараетесь сберегать деньги на будущее	0,904
Вы всегда стараетесь иметь хотя бы какую-то сумму денег на непредвиденные расходы, на всякий случай	0,880

*Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Мера адекватности выборки Кайзера—Майера—Олкина (КМО) = 0,738.

Критерий сферичности Бартлетта: примерная Хи-квадрат = 20856,800; ст. св. = 3; значимость = 0,000.

Таблица П.5

Ассоциативные правила, описывающие сочетание ответов респондентов о наличии или отсутствии сбережений, сберегательных установках и о доверии (поддержка не менее 40%, достоверность не менее 90%)

Значение параметров для 2014–2019 гг.			Ассоциативные правила			Значение параметров для 2020–2021 гг.		
Поддержка	Достоверность	Лифт	Условие	Следствие	Поддержка	Достоверность	Лифт	
Правила, полученные в обоих периодах: 2014–2019 гг.; 2020–2021 гг.								
0,730	0,951	1,208	Иностранные банки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,711	0,946	1,181
0,562	0,973	1,235	АСВ = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,573	0,970	1,211
0,562	0,956	1,246	АСВ = не доверяете, коммерческие банки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	0,573	0,919	1,223
0,506	0,972	1,267	Госбанки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	0,507	0,931	1,238
0,503	0,966	1,227	Госбанки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,515	0,945	1,179
0,494	0,982	1,280	Коммерческие банки = не доверяете, госбанки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	0,493	0,957	1,274
0,494	0,949	1,301	Госбанки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	0,493	0,904	1,272
0,494	0,976	1,239	Госбанки = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,493	0,972	1,213
0,463	0,958	1,217	Нет сбережений, иностранные банки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,507	0,952	1,188
0,463	0,940	1,225	Нет сбережений, коммерческие банки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	0,507	0,914	1,216
0,457	0,953	1,413	Госбанки = доверяете	→	«Сбер» = доверяете	0,413	0,908	1,393
0,434	0,981	1,278	АСВ = не доверяете, госбанки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	0,448	0,939	1,249
0,434	0,980	1,245	АСВ = не доверяете, госбанки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,457	0,959	1,197
0,428	0,936	1,188	«Сбер» = доверяете, иностранные банки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,407	0,924	1,153
0,428	0,986	1,253	АСВ = не доверяете, госбанки = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,440	0,982	1,225

Таблица П.5. Продолжение

Значение параметров для 2014–2019 гг.			Ассоциативные правила			Значение параметров для 2020–2021 гг.		
Поддержка	Достоверность	Лифт	Условие	Следствие	Поддержка	Достоверность	Лифт	
0,428	0,987	1,286	АСВ = не доверяете, коммерческие банки = не доверяете, госбанки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	0,440	0,961	1,279
0,428	0,967	1,326	АСВ = не доверяете, госбанки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	0,440	0,922	1,297
0,404	0,945	1,232	Правительство = не доверяете, коммерческие банки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	0,439	0,908	1,208
0,404	0,968	1,230	Правительство = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,439	0,968	1,209
Правила, полученные только в 2014–2019 гг.								
0,730	0,927	1,208	Коммерческие банки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	—	—	—
0,587	0,930	1,181	АСВ = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	—	—	—
0,578	0,914	1,191	АСВ = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	—	—	—
0,543	0,925	1,206	Установка позитивная, коммерческие банки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	—	—	—
0,543	0,953	1,211	Установка позитивная, иностранные банки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	—	—	—
0,444	0,930	1,181	Установка позитивная, АСВ = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	—	—	—
0,435	0,911	1,188	Установка позитивная, АСВ = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	—	—	—
0,427	0,908	1,153	Правительство = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	—	—	—
0,424	0,974	1,237	Установка позитивная, АСВ = не доверяете, инострбанки=не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	—	—	—
0,424	0,954	1,244	Установка позитивная, АСВ = не доверяете, коммерческие банки = не доверяете	→	Иностранные банки = не доверяете	—	—	—
Правила, полученные только в 2020–2021 гг.								
—	—	—	Телевидение (ТВ) = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,504	0,956	1,194
—	—	—	ТВ = не доверяете, АСВ = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,471	0,906	1,131
—	—	—	Нет сбережений, АСВ = не доверяете	→	Коммерческие банки = не доверяете	0,442	0,924	1,153

Таблица П.5. Окончание

Значение параметров для 2014–2019 гг.			Ассоциативные правила			Значение параметров для 2020–2021 гг.		
Поддержка	Достоверность	Лифт	Условие	Следствие	Поддержка	Достоверность	Лифт	
—	—	—	TV = не доверяете, АСВ = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете	0,430	0,972	1,213	
—	—	—	TV = не доверяете, АСВ = не доверяете, коммерческие банки = не доверяете	→ Иностранные банки = не доверяете	0,430	0,914	1,216	
—	—	—	Правительство = не доверяете, АСВ = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете	0,420	0,927	1,157	
—	—	—	Нет сбережений, АСВ = не доверяете, иностранные банки = не доверяете	→ Коммерческие банки = не доверяете	0,414	0,975	1,217	
—	—	—	Нет сбережений, АСВ = не доверяете, коммерческие банки = не доверяете	→ Иностранные банки = не доверяете	0,414	0,935	1,244	

Литература

- Бессонова Е., Цветкова А. 2022. *Финансовое поведение домохозяйств в пандемию: аналитическая записка*. М.: Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/141962/analytic_note_20221103_dip.pdf
- ВЦИОМ. 2022. Сбережения и вклады на фоне СВО. *ВЦИОМ*. 3 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sberezhenija-i-vklady-na-fone-svo>
- Ибрагимов Д. Х. 2015. Динамика доверия финансовым институтам и парадоксы сберегательного поведения населения. *Банковское дело*. 12: 27–34.
- Козырева П. М. 2012. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ). *Социологические исследования*. 7: 54–66.
- Красильникова М. Д. 2010. Как российское население переживает очередной экономический кризис. *Мир России. Социология. Этнология*. 19 (4): 162–181.
- Кузина О. Е., Крупенский Н. А. 2018. Перекредитованность россиян: миф или реальность? *Вопросы экономики*. 11: 85–104.
- Радаев В. В. (ред.) 2023. *Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Седова Е. Н., Раменская А. В., Безбородникова Р. М. 2015. *Ассоциативные правила в социально-экономических и экологических исследованиях: учебное пособие*. Оренбург: ОГУ.
- Тихонова Н. Е. 2023. Сберегательное поведение россиян: динамика и факторы. *Социологические исследования*. 11: 67–79.
- ФОМ. 2022. *Деньги и коронавирус: как россияне переживают кризис* (рук. авт. колл. А. А. Ослон; Л. А. Преснякова, Н. В. Гашенина). М.: Институт Фонда «Общественное Мнение».
- Щербаль М. С. 2013а. Моделирование сберегательного поведения населения в условиях нестабильности: эмпирический опыт. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 5 (117): 114–122.
- Щербаль М. С. 2013б. Сберегательное поведение населения в нестабильных социально-экономических условиях. *Социологический журнал*. 2: 65–71.
- Abdelkhalek T. et al. 2010. A Microeconomic Analysis of Household Savings Determinants in Morocco. *African Review of Money Finance and Banking*. 2010: 7–27. URL: <https://www.jstor.org/stable/i40084935>
- Adema Y., Pozzi L. 2015. Business Cycle Fluctuations and Household Saving in OECD Countries: A Panel Data Analysis. *European Economic Review*. 79 (8): 214–233. URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/eecrev/v79y2015icp214-233.html>
- Agrawal R. et al. 1996. Fast Discovery of Association Rules. In: Fayyad U. M. et al. (eds) *Advances in Knowledge Discovery and Data Mining*. Menlo Park, CA: AAAI Press; 307–328.

- Alan S., Crossley T., Low H. 2012. *Saving on a Rainy Day, Borrowing for a Rainy Day*. London: IFS. URL: <https://ifs.org.uk/publications/saving-rainy-day-borrowing-rainy-day>
- Albacete N., Lindner P. 2013. Household Vulnerability in Austria — A Microeconomic Analysis Based on the Household Finance and Consumption Survey. *Financial Stability Report, Oesterreichische Nationalbank (Austrian Central Bank)*. 25: 57–73.
- Amoozad Mahdiraji H. et al. 2022. A Multi-Attribute Data Mining Model for Rule Extraction and Service Operations Benchmarking. *Benchmarking: An International Journal*. 29 (2): 456–495.
- Anderloni L., Bacchiocchi E., Vandone D. 2012. Household Financial Vulnerability: An Empirical Analysis. *Research in Economics*. 66 (3): 284–296.
- Ando A., Modigliani F. 1963. The ‘Life-Cycle’ Hypothesis of Saving: Aggregate Implication and Tests. *American Economic Review*. 53 (1.1): 55–84.
- Bachas N. et al. 2020. Initial Impacts of the Pandemic on Consumer Behavior: Evidence from Linked Income, Spending, and Savings Data. *NBER Working Paper*. 27617. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Bachas P. et al. 2021. How Debit Cards Enable the Poor to Save More. *The Journal of Finance*. 76 (4): 1913–1957.
- Balloch A., Nicolaei A., Philip D. 2015. Stock Market Literacy, Trust, and Participation. *Review of Finance*. 19 (5): 1925–1963.
- Bańbuła P. et al. 2016. Which Households Are Really Financially Distressed: How Micro-Data Could Inform the Macro-Prudential Policy. Proceedings of the IFC Workshop on “Combining Micro and Macro Statistical Data for Financial Stability Analysis. Experiences, Opportunities and Challenges. *IFC Bulletin*. 41. Basel: Bank for International Settlements. URL: <https://www.bis.org/ifc/publ/ifcb41.pdf>
- Basiglio S., et al. 2020. Saving with a Social Impact: Evidence from Trento Province. *Sustainability*. 12 (20): 8363–8377.
- Basselier R., Minne G. 2021. Household Savings During and After the COVID-19 Crisis: Lessons from Surveys. *NBB Economic Review*. 3: 60–78.
- Beckmann E. 2019. Household Savings in Central Eastern and Southeastern Europe: How Do Poorer Households Save? *World Bank Policy Research Working Paper*. 8751. Washington, DC: World Bank Group.
- Beckmann E., Hake M., Urvova J. 2013. Determinants of Households’ Savings in Central, Eastern and Southeastern Europe. *Focus on European Economic Integration*. Q3 (13): 8–29.
- Berg J., Dickhaut J., McCabe K. 1995. Trust, Reciprocity, and Social History. *Games and Economic Behavior*. 10 (1): 122–142.
- Bridges S., Disney R. 2004. Use of Credit and Arrears on Debt Among Low-Income Families in the United Kingdom. *Fiscal Studies*. 25 (1): 1–25.

- Bridges S., Disney R. 2010. Debt and Depression. *Journal of Health Economics*. 29 (3): 388–403.
- Bridges S., Disney R., Gathergood J. 2008. *Drivers of Over-Indebtedness: Report to the Department for Business, Enterprise and Regulatory Reform*. Essex, UK: Institute for Social and Economic Research; University of Essex. URL: <http://www.berr.gov.uk/files/file49248.pdf>
- Brookes K., Facchini F. 2022. Trust and Savings: A Literature Review. *Revue d'économie politique*, 132 (1): 15–48.
- Brown M., Guin B., Kirschenmann K. 2015. Microfinance Banks and Financial Inclusion. *Review of Finance*. 20 (3): 907–946.
- Brown S., Taylor K. 2008. Household Debt and Financial Assets: Evidence from Germany, Great Britain and the USA. *Journal of the Royal Statistical Society, Series A*. 171 (3): 615–643.
- Brunetti E., Giarda E., Torricelli C. 2016. Is Financial Fragility a Matter of Illiquidity? An Appraisal for Italian Households. *Review of Income and Wealth*. 62 (4): 628–649.
- Bryan M. L., Taylor M. P., Veliziotis M. 2010. *Over-Indebtedness in Great Britain: An Analysis Using the Wealth and Assets Survey and Household Annual Debtors Survey*. Essex: Institute for Social and Economic Research, University of Essex.
- Carroll C. D., Slacalek J., Sommer M. 2019. Dissecting Saving Dynamics: Measuring Wealth, Precautionary, and Credit Effects. *NBER Working Paper*. 26131. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Catherine S. F. H., Yusof J. M., Mainal S. 2016. Household Debt, Macroeconomic Fundamentals and Household Characteristics in Asian Developed and Developing Countries. *The Social Sciences*. 11 (18): 4358–4362. URL: <https://doi.org/10.36478/sscience.2016.4358.4362>
- Chamon M. D., Prasad E. S. 2010. Why are Saving Rates of Urban Households in China Rising? *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2 (1): 93–130.
- Chernykh L., Davydov D., Sihvonen J. 2019. Stability and Public Confidence in Banks. *BOFIT Discussion Papers*. 2. Helsinki: BOFIT (Bank of Finland; Institute for Economies in Transition). URL: <https://www.bofit.fi/globalassets/bofit/research/conferences-and-workshops/2019/munich2019/davydov.pdf>
- Chowa G. A. N., Masa R. D., Ansong D. 2012. Determinants of Saving among Low-Income Individuals in Rural Uganda: Evidence from Assets Africa. *Advances in Applied Sociology*. 2 (4): 280–291.
- Cocco J. F., Gomes F. J., Maenhout P. J. 2005. Consumption and Portfolio Choice over the Life Cycle. *Review of Financial Studies*. 18 (2): 491–553.
- Coleman J. 1988. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. 94 (Supplement): S95–S120.
- Crujnsen C. van der, Haan J. de, Roerink R. 2021. Financial Knowledge and Trust in Financial Institutions. *Journal of Consumer Affairs*. 55 (2): 680–714.

- Crujssen C. van der, Haan J. de, Roerink R. 2023. Trust in Financial Institutions: A survey. *Journal of Economic Surveys*. 37 (4): 1214–1254.
- D'Alessio G., Iezzi S. 2013. Household Over-Indebtedness: Definition and Measurement with Italian Data. *Bank of Italy Occasional Paper*. 149.
- Daud S. N. M. et al. 2019. Financial Vulnerability and Its Determinants: Survey Evidence from Malaysian Households. *Emerging Markets Finance and Trade*. 55 (9): 1991–2003.
- Deaton A. 2005. Franco Modigliani and the Life Cycle Theory of Consumption. *Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review*. 58 (233–234): 91–107.
- Deaton A., Paxson C. H. 2000. Growth and Saving Among Individuals and Households. *Review of Economics and Statistics*. 82 (2): 212–225.
- Demertzis M., Dominguez-Jimenez M., Lusardi A. 2020. The Financial Fragility of European Households in the Time of COVID-19. *Policy Contribution*. 15. URL: https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp_attachments/PC-15-2020-final.pdf
- Denizer C., Wolf H. 1998. Household Saving in Transition Economies. *NBER Working Paper*. 6457. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Deuffhard D., Georgarakos D., Inderst R. 2015. Financial Literacy and Saving Account Returns. *European Central Bank Working Series*. 1852. Frankfurt am Main: European Central Bank.
- Devaney S. A., Anong S. T., Whirl S. E. 2007. Household Savings Motives. *Journal of Consumer Affairs*. 41 (1): 174–186.
- Dodd N. 2014. *The Social Life of Money*. Princeton: Princeton University Press.
- Dossche M., Zalatnos S. 2020. COVID-19 and the Increase in Household Savings: Precautionary or Forced? *ECB Economic Bulletin*. 6. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/economic-bulletin/focus/2020/html/ecb.ebbox202006_05~d36f12a192.en.html
- Duesenberry J. S. 1949. *Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ellmeier E., Koch M., Scheiber T. 2023. Saving Behavior Along the Income Distribution During the COVID-19 Pandemic. *Focus on European Economic Integration*. Oesterreichische Nationalbank (Austrian Central Bank). Q1 (23): 7–21.
- Emmons W. R., Noeth B. J. 2013. Economic Vulnerability and Financial Fragility. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. 95 (5): 361–388.
- Farrell L., Fry J., Fry T. 2020. Who Trusts the Bank of England and High Street Banks in Britain? *Applied Economics*. 53 (16): 1–13.
- Fisher P. 2010. Gender Differences in Personal Saving Behaviors. *Journal of Financial Counseling and Planning*. 21 (1): 14–24.

- Fisher P. 2015. Gender Differences in Saving Among Low- to Moderate-Income Households. *Financial Services Review*. 24 (1): 1–13.
- Fitch C. et al. 2011. The Relationship between Personal Debt and Mental Health: A Systematic Review. *Mental Health Review Journal*. 16 (4): 153–166.
- Friedman M. 1957. *A Theory of the Consumption Function*. Princeton: Princeton University Press.
- Fund I. M. 2021. *World Economic Outlook (International Monetary Fund)*. Washington, DC: International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2021/October/English/text.ashx>
- Galiani S., Gertler P., Ahumada C. N. 2022. Trust and Saving in Financial Institutions by the Poor. *Documento de trabajo RedNIE*. 174. URL: <https://rednie.eco.unc.edu.ar/files/DT/174.pdf>
- Gambetta D. 1988. Can We Trust Trust? In: Gambetta D. (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Cambridge, MA: Basil Blackwell, Inc.; 213–237.
- Gathergood J. 2011. Self-Control, Financial Literacy and Consumer Over-Indebtedness. *Journal of Economic Psychology*. 33 (3): 590–602.
- Giddens A. 1984. *The Constitution of Society*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Glaser M., Klos A. 2013. *Causal Evidence on Internet Use and Stock Market Participation*. University of Munich Working Paper. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2021158>
- Glazer A. 2008. Social Security and Conflict within the Family. *Journal of Population Economics*. 21 (2): 331–338.
- Gregory P. R., Mokhtari M., Schrettl W. 1999. Do the Russians Really Save That Much? Alternate Estimates From the Russian Longitudinal Monitoring Survey. *The Review of Economics and Statistics*. 81 (4): 694–703.
- Grigoli F., Herman A., Schmidt-Hebbel K. 2014. World Saving. *IMF Working Paper*. 2014 (204). Washington, DC: International Monetary Fund; Western Hemisphere Department.
- Guiso L. 2010. A Trust-Driven Financial Crisis. Implications for the Future of Financial Markets. *EUI Working Papers. Department of Economics*. 2010 (07).
- Hamid F. S., Loke Y. J., Chin P. N. 2023. Determinants of Financial Resilience: Insights from an Emerging Economy. *Journal of Social and Economic Development*. 25: 479–499. URL: <https://doi.org/10.1007/s40847-023-00239-y>
- Harris M. N., Loundes J., Webster E. 2002. Determinants of Household Saving in Australia. *The Economic Record*. 78 (241): 207–223.
- Herawan T., Chiroma H., Vitasari P. 2015. Mining Critical Least Association Rules from Students Suffering Study Anxiety Datasets. *Qual Quant*. 49: 2527–2547.
- Hogarth J. M. 2002. Financial Literacy and Family and Consumer Sciences. *Journal of Family & Consumer Sciences*. 94 (1): 15–28.

- Ibragimova D., Kuzina O. E., Vernikov A. V. 2015. Which Banks Do Russian Households [Dis-]Trust More? In: *XV April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development: in 4 books. Book 4*. Moscow: HSE Publishing House; 548–556.
- International Monetary Fund. 2021. *External Sector Report: Divergent Recoveries and Global Imbalances*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Jappelli T., Pagano M., Maggio M. 2008. *Households' Indebtedness and Financial Fragility*. CSEF Working Papers. Napoli: Centre for Studies in Economics and Finance (CSEF), University of Naples.
- Joo S., Grable J. E. 2000. A Retirement Investment and Saving Decision Model: Influencing Factors and Outcomes. *Consumer Interest Annual*. 46: 43–48.
- Kim H. J. et al. 2014. Household Indebtedness in Korea: its Causes and Sustainability. *Japan and the World Economy*. 29 (C): 9–76.
- Kim Y. I., Kim H. C., Yoo J. H. 2016. Household Over-indebtedness and Financial Vulnerability in Korea: Evidence from Credit Bureau Data. *KDI Journal of Economic Policy*. 38 (3): 53–77.
- Knell M., Stix H. 2015. Trust in Banks During Normal and Crisis Times—Evidence from Survey Data. *Economica*. 82 (Supplement): 995–1020.
- Knoll M. A. Z., Tamborini C. R., Whitman K. 2012. I Do ... Want to Save: Marriage and Retirement Savings in Young Households. *Journal of Marriage and Family*. 74 (1): 86–100.
- Kostakis I. 2012. The Determinants of Households' Savings During Recession: Evidence from Greece. *International Journal of Economic Practices & Theories*. 2 (4): 253–65.
- Landerretche O. M., Martinez C. 2013. Voluntary Savings, Financial Behavior, and Pension Finance Literacy: Evidence from Chile. *Journal of Pension Economics and Finance*. 12 (3): 251–297.
- Leika M., Marchettini D. 2017. *Generalized Framework for the Assessment of Household Financial Vulnerability*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Lindqvist A. 1981. A Note on Determinants of Household Saving Behavior. *Journal of Economic Psychology*. 1 (1): 39–57.
- Love D. A. 2009. The Effects of Marital Status and Children on Savings and Portfolio Choice. *The Review of Financial Studies*. 23 (1): 385–432.
- Luhmann N. 1979. *Trust and Power*. Chichester: John Wiley.
- Lusardi A. 2008. Household Saving Behavior: The Role of Financial Literacy, Information, and Financial Education Programs. *NBER Working Paper*. 13824. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Lusardi A., Hasler A., Yakoboski P. 2020. Building up Financial Literacy and Financial Resilience. *Mind and Society*. 20 (2): 181–187.

- Lusardi A., Mitchell O. S. 2007. Financial Literacy and Retirement Preparedness. Evidence and Implications for Financial Education. *Business Economics*. 42 (1): 35–44.
- Lusardi A., Schneider D. J., Tufano P. 2011a. Financial Fragility among Middle-income Households: Evidence beyond Asset Building. *National Bureau of Economic Research: Technical Report*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Lusardi A., Schneider D., Tufano P. 2011b. Financially Fragile Households: Evidence and Implications. *Brookings Papers on Economic Activity*. 42 (1): 83–151.
- Lusardi A., Tufano P. 2009. Debt Literacy, Financial Experiences and Overindebtedness. *NBER Working Papers*. 14808. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Man G. 2018. Critical Appraisal of Jointness Concepts in Bayesian Model Averaging: Evidence from Life Sciences, Sociology, and Other Scientific Fields. *Journal of Applied Statistics*. 45 (5): 1–23.
- Minh N. T. et al. 2013. Demographics and Saving Behavior of Households in Rural Areas of Vietnam: an Empirical Analysis. *Journal of Economics and Development*. 15 (2): 5–18.
- Mishler W., Rose R. 1997. Trust, Distrust and Skepticism: Popular Evaluations of Civil and Political Institutions in Post-Communist Societies. *Journal of Politics*. 59 (2): 418–451.
- Modigliani F., Brumberg R. 1954. Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of Cross-Section Data. In Kurihara K. K. (ed.) *Post Keynesian Economics*. New Brunswick: Rutgers University Press; 388–436.
- Mody A., Ohnsorge F., Sandri D. 2012. Precautionary Savings in the Great Recession. *IMF Working Paper*. 12/42. Washington, DC: International Monetary Fund. URL: <https://ssrn.com/abstract=2012227>
- Morisset J., Revoredo C. 1995. Savings and Education: A Life-Cycle Model Applied to a Panel of 74 Countries. *Policy Research Working Paper*. 1504. Washington, DC: World Bank.
- Nalin H. T. 2013. Determinants of Household Saving and Portfolio Choice Behavior in Turkey. *Acta Oeconomica*. 63 (3): 309–331.
- Nam Y. et al. 2016. New Measures of Economic Security and Development: Savings Goals for Short-and long-term Economic Needs. *Journal of Consumer Affairs*. 50 (3): 611–637.
- Nardi M., French E., Jones J. B. 2016. Savings after Retirement: A Survey. *Annual Review of Economics*. 8 (1): 1–28.
- Pan Z. et al. 2019. Knowledge Discovery in Sociological Databases: an Application on General Society Survey Dataset. *International Journal of Crowd Science*. 3 (3): 315–332.
- Paxson C. 1996. Saving and Growth: Evidence from Micro Data. *European Economic Review*. 40 (2): 255–288.
- Pinkovetskaia I., Campillo D. F. A., Bahamon M. J. R. 2022. Households Income in 2021: Influence of the COVID-19 Pandemic. *Revista Finanzas y Política Económica*. 14 (2): 541–559.

- Poterba J. M. 1996. Personal Saving Behavior and Retirement Income Modeling: a research assessment. In Hanushek E. A., Maritato N. L. (eds.) *Assessing Knowledge of Retirement Behavior*. Washington, DC: National Academy Press.
- Poterba J. M., Wise D. A. 1996. Individual Financial Decisions in Retirement Saving Plan and the Provision of Resources for Retirement. *National Bureau of Economic Research Working Paper*. W5762. Cambridge: National Bureau of Economic Research.
- Power D. 2004. *Decision Support Systems: Frequently Asked Questions*. New York: iUniverse.
- Radaev V. V. 2004. How Trust is Established in Economic Relationships when Institutions and Individuals Are Not Trustworthy: The Case of Russia. In: Kornai J., Rothstein B., Rose-Ackerman S. (eds) *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*. New York: Palgrave Macmillan; 91–110.
- Rahim H. A. 2011. Factors Contributing to Financial Stability of Urban and Rural Families. *Pertanika Journal of Social Science and Humanities*. 19 (1): 99–112.
- Rooij M., Lusardi A., Alessie R. 2011. Financial Literacy and Stock Market Participation. *Journal of Financial Economics*. 101 (2): 449–472.
- Schilke O., Reimann M., Cook K. S. 2021. Trust in Social Relations. *Annual Review of Sociology*. 47: 239–259.
- Schunk D. 2009. What Determines Household Saving Behavior? An Examination of Saving Motives and Saving Decisions. *Journal of Economics and Statistics*. 229 (4): 467–491.
- Seguino S., Floro M. S. 2003. Does Gender Have any Effect on Aggregate Saving? An Empirical Analysis. *International Review of Applied Economics*. 17 (2): 147–166.
- Simmel G. 1900. *The Philosophy of Money*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Sirdeshmukh D., Singh J., Sabol. B. 2002. Consumer Trust, Value, and Loyalty in Relational Exchanges. *Journal of Marketing*. 66 (1): 15–37.
- Skoufias E. 2003. Economic Crises and Natural Disasters: Coping Strategies and Policy Implications. *World Develop.* 31 (7): 1087–1102.
- Stevenson B., Wolfers J. 2011. Trust in Public Institutions Over the Business Cycle. *American Economic Review: Papers & Proceedings*. 101 (3): 281–287.
- Stix H. 2013. Why Do People Save in Cash? Distrust, Memories of Banking Crises, Weak Institutions and Dollarization. *Journal of Banking & Finance*. 37 (11): 4087–4106.
- Swasdpeera P., Pandey I. M. 2012. Determinants of Personal Saving: a Study of Salaried Individuals in Thailand. *Afro-Asian Journal of Finance and Accounting*. 3 (1): 34–68.
- Szopiński T. 2017. The Determinants of Household Savings in Poland. *Acta Scientiarum Polonorum*. 16 (2): 117–125.

- Sztompka P. 1999. *Trust: a Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tsui K. L. et al. 2023. *Data Mining Methods and Applications*. In: Pham H. (eds) *Springer Handbook of Engineering Statistics*. London: Springer.
- Walugembe P. et al. 2019. Child and Household Social-Economic Vulnerability: Determinants Transition from Moderate and Critical Vulnerability Levels in Rural Uganda. *Childhood Vulnerability Journal*. 2: 29–50.
- Wang J. J. 2010. Credit Counselling to Help Debtors Regain Footing. *Journal of Consumer Affairs*. 44 (1): 44–69.
- Worthington A. C. 2006. Debt as a Source of Financial Stress in Australian Households. *Journal of Consumer Studies*. 30 (1): 2–15.
- Yusof S. A., Rokis R. A., Jusoh W. J. N. 2015. Financial Fragility of Urban Households in Malaysia. *Jurnal Ekonomi Malaysia*. 49 (1): 15–24.

Olga Kuzina, Darya Moiseeva

Is There a Relationship Between Household Saving Behavior, Trust in Financial Institutions and Saving Attitudes in Contemporary Russia?

KUZINA, Olga — PhD, Professor, Senior researcher, HSE University. Address: 11 Myasnitckaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: kuzina@hse.ru

MOISEEVA, Darya — PhD, Senior researcher, HSE University. Address: 11 Myasnitckaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: dmoiseeva@hse.ru

Abstract

The paper examines household savings as one of the indicators of household financial fragility/resilience in Russia. The main goal is to reveal the relationship between people's trust in financial institutions, their saving behavior and their savings attitudes. The study of financial fragility/resilience is important for the development of economic and social policies, especially in relation to those conditions upon which state can work. The study contributes to the existing literature by using Russian micro data and the inclusion of trust in institutions and savings attitudes among the covariates of household savings. The empirical basis of the study is cross-sectional data from all-Russian population surveys collected in 2009–2023. The financial resilience is low due to the fact that only about one third of Russians have savings which amount is rather small. The data also show high levels of distrust towards most socio-political and financial institutions. Based on the principal components method, two latent factors of trust were identified. The first one was related to trust in socio-political institutions, Sberbank and Bank of Russia, Deposit Insurance Agency (DIA)

and state-owned banks, the second one included trust in all non-state financial institutions. Regression analysis showed that saving attitudes and both components of trust are positively correlated with savings. Associative rule learning method showed that even in presence of the positive attitude towards savings the most common non-random combinations of answers were lack of savings, distrust towards banks (with the exception of Sberbank), distrust to the Deposit Insurance Agency. Thus, distrust of socio-political and financial institutions is an obstacle to the increase in the amount of savings and financial resilience of Russian households.

Keywords: financial fragility of households; financial resilience of households; household savings; household saving behavior; saving attitudes; trust in financial institutions; household financial behavior.

Acknowledgements

The results of the project “The Russians’ socio-economic coping strategies with the crisis”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023, are presented in this work.

References

- Abdelkhalek T., Arestoff F., Freitas N. E. M. de, Mage S. (2010) A Microeconometric Analysis of Household Savings Determinants in Morocco. *African Review of Money Finance and Banking*, pp. 7–27.
- Adema Y., Pozzi L. (2015) Business Cycle Fluctuations and Household Saving in OECD Countries: A Panel Data Analysis. *European Economic Review*, vol. 79, no 8, pp. 214–233.

- Agrawal R., Mannila H., Srikant R., Toivonen H., Verkamo A.I. (1996) Fast Discovery of Association Rules. *Advances in Knowledge Discovery and Data Mining* (eds U. M. Fayyad), Menlo Park, CA: AAAI Press, pp. 307–328.
- Alan S., Crossley T., Low H. (2012) *Saving on a Rainy Day, Borrowing for a Rainy Day*. London: IFS. Available at: <https://ifs.org.uk/publications/saving-rainy-day-borrowing-rainy-day> (accessed 1 February 2024).
- Albacete N., Lindner P. (2013) Household Vulnerability in Austria—A Microeconomic Analysis Based on the Household Finance and Consumption Survey. *Financial Stability Report, Oesterreichische Nationalbank (Austrian Central Bank)*, vol. 25, pp. 57–73.
- Amoozad Mahdiraji H. Tavana M., Mahdiani P. Abbasi Kamardi A.A. (2022) A Multi-Attribute Data Mining Model for Rule Extraction and Service Operations Benchmarking. *Benchmarking: An International Journal*, vol. 29, no 2, pp. 456–495.
- Anderloni L., Bacchiocchi E., Vandone D. (2012) Household Financial Vulnerability: An Empirical Analysis. *Research in Economics*, vol. 66, no 3, pp. 284–296.
- Ando A., Modigliani F. (1963) The “Life-Cycle” Hypothesis of Saving: Aggregate Implication and Tests. *American Economic Review*, vol. 53, no 1, part 1, pp. 55–84.
- Bachas N., Ganong P., Noel P. J., Vavra J. S., Wong A., Farrell D., Greig F. E. (2020) Initial Impacts of the Pandemic on Consumer Behavior: Evidence from Linked Income, Spending, and Savings Data. *NBER Working Paper*, no 27617. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Bachas P., Gertler P. Higgins S., Seira E. (2021) How Debit Cards Enable the Poor to Save More. *The Journal of Finance*, vol. 76, no 4, pp. 1913–1957.
- Balloch A., Nicolaei A., Philip D. (2015) Stock Market Literacy, Trust, and Participation. *Review of Finance*, vol. 19, no 5, pp. 1925–1963.
- Bańbuła P., Kotuła A., Przeworska J., Strzelecki P. (2016) Which Households Are Really Financially Distressed: How Micro-Data Could Inform the Macro-Prudential Policy. Proceedings of the IFC Workshop on “Combining Micro and Macro Statistical Data for Financial Stability Analysis. Experiences, Opportunities and Challenges.” *IFC Bulletin*. 41. Basel: Bank for International Settlements. Available at: <https://www.bis.org/ifc/publ/ifcb41.pdf> (accessed 1 February 2024).
- Basiglio S., Rossi M., Salomone R., Torricelli C. (2020) Saving with a Social Impact: Evidence from Trento Province. *Sustainability*, vol. 12, no 20, pp. 8363–8377.
- Basselier R., Minne G. (2021) Household Savings During and After the COVID-19 Crisis: Lessons from Surveys. *NBB Economic Review*, no 3, pp. 60–78.
- Beckmann E. (2019) Household Savings in Central Eastern and Southeastern Europe: How Do Poorer Households Save? *World Bank Policy Research Working Paper*, no 8751, Washington, DC: World Bank Group.
- Beckmann E., Hake M., Urvova J. (2013) Determinants of Households’ Savings in Central, Eastern and South-eastern Europe. *Focus on European Economic Integration*, Q3, no 13, pp. 8–29.

- Berg J., Dickhaut J., McCabe K. (1995) Trust, Reciprocity, and Social History. *Games and Economic Behavior*, vol. 10, no 1, pp. 122–142.
- Bessonova E., Cvetkova A. (2022) Phinansovoe povedenie domochozyaystv v pandemiyu: Analiticheskaya zapiska [Household Financial Behavior in the Pandemic: An Analytical Note], Moscow: Bank of Russia. Available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/141962/analytic_note_20221103_dip.pdf (accessed 1 February 2024) (in Russian).
- Bridges S., Disney R. (2004) Use of Credit and Arrears on Debt Among Low-Income Families in the United Kingdom. *Fiscal Studies*, vol. 25, no 1, pp. 1–25.
- Bridges S., Disney R. (2010) Debt and Depression. *Journal of Health Economics*, vol. 29, no 3, pp. 388–403.
- Bridges S., Disney R., Gathergood J. (2008) *Drivers of Over-Indebtedness: Report to the Department for Business, Enterprise and Regulatory Reform*. Essex, UK: Institute for Social and Economic Research; University of Essex. Available at: <http://www.berr.gov.uk/files/file49248.pdf> (accessed 1 February 2024).
- Brookes K., Facchini F. (2022) Trust and Savings: A Literature Review. *Revue d'économie politique*, vol. 132, pp. 15–48.
- Brown M., Guin B., Kirschenmann K. (2015) Microfinance Banks and Financial Inclusion. *Review of Finance*, vol. 20, no 3, pp. 907–946.
- Brown S., Taylor K. (2008) Household Debt and Financial Assets: Evidence from Germany, Great Britain and the USA. *Journal of the Royal Statistical Society, Series A*, vol. 171, pp. 615–643.
- Brunetti E., Giarda E., Torricelli C. (2016) Is Financial Fragility a Matter of Illiquidity? An Appraisal for Italian Households. *Review of Income and Wealth*, vol. 62, iss. 4, pp. 628–649.
- Bryan M. L., Taylor M. P., Veliziotis M. (2010) *Over-Indebtedness in Great Britain: An Analysis Using the Wealth and Assets Survey and Household Annual Debtors Survey*, Essex: Institute for Social and Economic Research, University of Essex.
- Carroll C. D., Slacalek J., Sommer M. (2019) Dissecting Saving Dynamics: Measuring Wealth, Precautionary, and Credit Effects. *NBER Working Paper*, no 26131, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Catherine S. F. H., Yusof J. M., Mainal S. (2016) Household Debt, Macroeconomic Fundamentals and Household Characteristics in Asian Developed and Developing Countries. *The Social Sciences*, vol. 10, no 18, pp. 4358–4362. Available at: <https://doi.org/10.36478/sscience.2016.4358.4362> (accessed 1 February 2024).
- Chamon M. D., Prasad E. S. (2010) Why are Saving Rates of Urban Households in China Rising? *American Economic Journal: Macroeconomics*, vol. 2, no 1, pp. 93–130.
- Chernykh L., Davydov D., Sihvonen J. (2019) Stability and Public Confidence in Banks. BOFIT Discussion Papers. 2. Helsinki: BOFIT (Bank of Finland; Institute for Economies in Transition). Available at: <https://www.bofit.fi/globalassets/bofit/research/conferences-and-workshops/2019/munich2019/davydov.pdf> (accessed 1 February 2024).

- Chowa G. A. N., Masa R. D., Ansong D. (2012) Determinants of Saving among Low-Income Individuals in Rural Uganda: Evidence from Assets Africa. *Advances in Applied Sociology*, vol. 2, no 4, pp. 280–291.
- Cocco J. F., Gomes F. J., Maenhout P. J. (2005) Consumption and Portfolio Choice over the Life Cycle. *Review of Financial Studies*, vol. 18, no 2, pp. 491–553.
- Coleman J. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, vol. 94, Supplement, pp. S95–S120.
- Crujisen C. van der, Haan J. de, Roerink R. (2021) Financial Knowledge and Trust in Financial Institutions. *Journal of Consumer Affairs*, vol. 55, no. 2, pp. 680–714.
- Crujisen C. van der, Haan J. de, Roerink R. (2023) Trust in Financial Institutions: a Survey. *Journal of Economic Surveys*, vol. 37, no 4, pp. 1214–1254.
- D'Alessio G., Iezzi S. (2013) Household Over-Indebtedness: Definition and Measurement with Italian Data. *Bank of Italy Occasional Paper*, no 149.
- Daud S. N. M., Marzuki A., Ahmad N., Kefeli Z. (2019) Financial Vulnerability and Its Determinants: Survey Evidence from Malaysian Households. *Emerging Markets Finance and Trade*, vol. 55, no 9, pp. 1991–2003.
- Deaton A. (2005) Franco Modigliani and the Life Cycle Theory of Consumption. *Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review*, vol. 58, no 233–234, pp. 91–107.
- Deaton A., Paxson C. H. (2000) Growth and Saving Among Individuals and Households. *Review of Economics and Statistics*, vol. 82, no 2, pp. 212–225.
- Demertzis M., Dominguez-Jimenez M., Lusardi A. (2020) The Financial Fragility of European Households in the Time of COVID-19. *Policy Contribution*, no 15. Available at: https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp_attachments/PC-15-2020-final.pdf (accessed 1 February 2024).
- Denizer C., Wolf H. (1998) Household Saving in Transition Economies. *NBER Working Paper*, no 6457, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Deuflhard D., Georgarakos D., Inderst R. (2015) Financial Literacy and Saving Account Returns. *European Central Bank Working Series*, no 1852, Frankfurt am Main: European Central Bank.
- Devaney S. A., Anong S. T., Whirl S. E. (2007) Household Savings Motives. *Journal of Consumer Affairs*, vol. 41, no 1, pp. 174–186.
- Dodd N. (2014) *The Social Life of Money*, Princeton: Princeton University Press.
- Dossche M., Zalatnos S. (2020) COVID-19 and the Increase in Household Savings: Precautionary or Forced? *ECB Economic Bulletin*, no 6. Available at: https://www.ecb.europa.eu/press/economic-bulletin/focus/2020/html/ecb.ebbox202006_05~d36f12a192.en.html (accessed 1 February 2024).
- Duesenberry J. S. (1949) *Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Ellmeier E., Koch M., Scheiber T. (2023) Saving Behavior Along the Income Distribution During the COVID-19 Pandemic. Focus on European Economic Integration. *Oesterreichische Nationalbank (Austrian Central Bank)*, vol. Q1, no 23, pp. 7–21.
- Emmons W. R., Noeth B. J. (2013) Economic Vulnerability and Financial Fragility. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, vol. 95, no 5, pp. 361–388.
- Farrell L., Fry J., Fry T. (2020) Who Trusts the Bank of England and High Street Banks in Britain? *Applied Economics*, vol. 53, no 16, pp. 1–13.
- Fisher P. (2010) Gender Differences in Personal Saving Behaviors. *Journal of Financial Counseling and Planning*, vol. 21, no 1, pp. 14–24.
- Fisher P. (2015) Gender Differences in Saving Among Low- to Moderate-Income Households. *Financial Services Review*, vol. 24, no 1, pp. 1–13.
- Fitch C., Hamilton S., Bassett P., Davey R. (2011) The Relationship between Personal Debt and Mental Health: A Systematic Review. *Mental Health Review Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 153–166.
- FOM. (2022) Dengi i koronavirus: kak rossiyanе perezhiyayut krizis [Money and Coronavirus: How Russians are Experiencing a Crisis], Moscow: Institut Fonda Obshchestvennoe Mnenie (in Russian).
- Friedman M. (1957) *A Theory of the Consumption Function*, Princeton: Princeton University Press.
- Fund I. M. (2021) *World Economic Outlook* (International Monetary Fund). Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2021/October/English/text.ashx> (accessed 1 February 2024).
- Galiani S., Gertler P., Ahumada C. N. (2022) Trust and Saving in Financial Institutions by the Poor. *Documento de trabajo RedNIE*, 174. Available at: <https://rednie.eco.unc.edu.ar/files/DT/174.pdf> (accessed 1 February 2024).
- Gambetta D. (1988) Can We Trust? *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (ed. D. Gambetta), Cambridge, MA: Basil Blackwell, Inc., pp. 213–237.
- Gathergood J. (2011) Self-Control, Financial Literacy and Consumer Over-Indebtedness. *Journal of Economic Psychology*, vol. 1, no 33, pp. 590–602.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society*, Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Glaser M., Klos A. (2013) *Causal Evidence on Internet Use and Stock Market Participation*. University of Munich Working Paper. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2021158> (accessed 1 February 2024).
- Glazer A. (2008) Social Security and Conflict within the Family. *Journal of Population Economics*, vol. 21, no 2, pp. 331–338.
- Gregory P. R., Mokhtari M., Schrettl W. (1999) Do the Russians Really Save That Much- Alternative Estimates from the Russian longitudinal Monitoring Survey. *The Review of Economics and Statistics*, vol. 81, no 4, pp. 694–703.

- Grigoli F., Herman A., Schmidt-Hebbel K. (2014) World Saving. *IMF Working Paper*, no 204, Washington, DC: International Monetary Fund; Western Hemisphere Department.
- Guiso L. (2010) A Trust-Driven Financial Crisis. Implications for the Future of Financial Markets. *EUI Working Papers*, no 07.
- Hamid F. S., Loke Y. J., Chin P. N. (2023) Determinants of Financial Resilience: Insights from an Emerging Economy. *Journal of Social and Economic Development*, vol. 25, pp. 479–499. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40847-023-00239-y> (accessed 1 February 2024).
- Harris M. N., Loundes J., Webster E. (2002) Determinants of Household Saving in Australia. *The Economic Record*, vol. 78, no 241, pp. 207–223.
- Herawan T., Chiroma H., Vitasari P. (2015) Mining Critical Least Association Rules from Students Suffering Study Anxiety Datasets. *Qual Quant*, no 49, pp. 2527–2547.
- Hogarth J. M. (2002) Financial Literacy and Family and Consumer Sciences. *Journal of Family & Consumer Sciences*, vol. 94, no 1, pp. 15–28.
- Ibragimova D. Kh. (2015) Dinamika doveriya phinansovim institutam i paradoksi sberegatel'nogo povedeniya naseleniya [Dynamics of Trust in Financial Institutions and Paradoxes of Savings Behavior of the Population]. *Banking = Bankovskoe delo*, no. 12, pp. 27–34 (in Russian).
- Ibragimova D., Kuzina O. E., Vernikov A. V. (2015) Which Banks Do Russian Households [Dis-]Trust More? *XV April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development*, 4 vols., vol. 4, Moscow: HSE Publishing House, pp. 548–556.
- International Monetary Fund. (2021) *External Sector Report: Divergent Recoveries and Global Imbalances*, Washington, DC: International Monetary Fund.
- Jappelli T., Pagano M., Maggio M. (2008) *Households' Indebtedness and Financial Fragility*. CSEF Working Papers, Napoli: Centre for Studies in Economics and Finance (CSEF), University of Naples.
- Joo S., Grable J. E. (2000) A Retirement Investment and Saving Decision Model: Influencing Factors and Outcomes. *Consumer Interest Annual*, no 46, pp. 43–48.
- Kim H. J., Lee D., Son J. C., Son M. K. (2014) Household Indebtedness in Korea: Its Causes and Sustainability. *Japan and the World Economy*, vol. 29, iss. C, pp. 9–76.
- Kim Y. I., Kim H. C., Yoo J. H. (2016) Household Over-indebtedness and Financial Vulnerability in Korea: Evidence from Credit Bureau Data. *KDI Journal of Economic Policy*, no 38, no 3, pp. 53–77.
- Knell M., Stix H. (2015) Trust in Banks During Normal and Crisis Times—Evidence from Survey Data. *Economica*, no 82, Supplement, pp. 995–1020.
- Knoll M. A. Z., Tamborini C. R., Whitman K. (2012) I Do ... Want to Save: Marriage and Retirement Savings in Young Households. *Journal of Marriage and Family*, vol. 74, no 1, pp. 86–100.
- Kostakis I. (2012) The Determinants of Households' Savings During Recession: Evidence from Greece. *International Journal of Economic Practices & Theories*, vol. 2, no 4, pp. 253–265.

- Kozireva P. M. (2012) Phinansovoe povedenie v kontekste sotsialno-ekonomicheskoy adaptatsii naseleniya (sotsiologicheskii analiz) [Financial Behavior in the Context of Socio-Economic Adaptation of the Population (Sociological Analysis)]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 54–66 (in Russian).
- Krasilnikova M. D. (2010) Kak rossiyskoe naselenie perezhivaet ocherednoy ekonomicheskiiy krizis [How the Russian Population is Going Through Another Economic Crisis]. *The Universe of Russia. Sociology. Ethnology = Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 19, no 4, pp. 162–181 (in Russian).
- Kuzina O. E., Krupensky N. A. (2018) Perekreditovannost' rossiyan: miph ili real'nost'? [Over-crediting of Russians: Myth or Reality?]. *Voprosy Ekonomiki*, no 11, pp. 85–104 (in Russian).
- Landerretche O. M., Martinez C. (2013) Voluntary Savings, Financial Behavior, and Pension Finance Literacy: Evidence from Chile. *Journal of Pension Economics and Finance*, vol. 12, no 3, pp. 251–297.
- Leika M., Marchettini D. (2017) *Generalized Framework for the Assessment of Household Financial Vulnerability*, Washington, DC: International Monetary Fund.
- Lindqvist A. (1981) A Note on Determinants of Household Saving Behavior. *Journal of Economic Psychology*, vol. 1, no 1, pp. 39–57.
- Love D. A. (2009) The Effects of Marital Status and Children on Savings and Portfolio Choice. *The Review of Financial Studies*, vol. 23, no 1, pp. 385–432.
- Luhmann N. (1979) *Trust and Power*, Chichester: John Wiley.
- Lusardi A. (2008) Household Saving Behavior: The Role of Financial Literacy, Information, and Financial Education Programs. *NBER Working Paper*, no 13824, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Lusardi A., Hasler A., Yakoboski P. (2020) Building up Financial Literacy and Financial Resilience. *Mind and Society*, vol. 20, no 2, pp. 181–187.
- Lusardi A., Mitchell O. S. (2007) Financial Literacy and Retirement Preparedness. Evidence and Implications for Financial Education. *Business Economics*, vol. 42, no 1, pp. 35–44.
- Lusardi A., Schneider D. J., Tufano P. (2011a) Financial Fragility among Middle-income Households: Evidence beyond Asset Building. *National Bureau of Economic Research: Technical Report*, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Lusardi A., Schneider D., Tufano P. (2011b) Financially Fragile Households: Evidence and Implications. *Brookings Papers on Economic Activity*, vol. 42, no 1, pp. 83–151.
- Lusardi A., Tufano P. (2009) Debt Literacy, Financial Experiences and Overindebtedness. *NBER Working Papers*, no 14808, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Man G. (2017) Critical Appraisal of Jointness Concepts in Bayesian Model Averaging: Evidence from Life Sciences, Sociology, and Other Scientific Fields. *Journal of Applied Statistics*, vol. 45, no 5, pp. 1–23.

- Minh N. T., Nhat N. H., Anh T. T., Duc P. M, Son L. T. (2013) Demographics and Saving Behavior of Households in Rural Areas of Vietnam: An Empirical Analysis. *Journal of Economics and Development*, vol. 15, no 2, pp. 5–18.
- Mishler W., Rose R. (1997) Trust, Distrust and Skepticism: Popular Evaluations of Civil and Political Institutions in Post-Communist Societies. *Journal of Politics*, vol. 59, no 2, pp. 418–451.
- Modigliani F., Brumberg R. (1954) Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of Cross-Section Data. *Post Keynesian Economics* (ed. K. K. Kurihara), New Brunswick: Rutgers University Press, pp. 388–436.
- Mody A., Ohnsorge F., Sandri D. (2012) Precautionary Savings in the Great Recession. *IMF Working Paper*. 12/42. Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2012227> (accessed 1 February 2024).
- Morisset J., Revoredo C. (1995) Savings and Education: A Life-Cycle Model Applied to a Panel of 74 Countries. *Policy Research Working Paper*, no 1504. Washington, DC: World Bank.
- Nalin H. T. (2013) Determinants of Household Saving and Portfolio Choice Behavior in Turkey. *Acta Oeconomica*, vol. 63, no 3, pp. 309–331.
- Nam Y., Lee Y.S., McMahon S., Sherraden, M. (2016) New Measures of Economic Security and Development: Savings Goals for Short-and long-term Economic Needs. *Journal of Consumer Affairs*, vol. 50, no 3, pp. 611–637.
- Nardi M., French E., Jones J. B. (2016) Savings after Retirement: A Survey. *Annual Review of Economics*. vol. 8, no 1, pp. 177–204.
- Pan Z., Li J., Chen Y., Pacheco J., Dai L., Zhang J (2019) Knowledge Discovery in Sociological Databases: An Application on General Society Survey Dataset. *International Journal of Crowd Science*, vol. 3, no 3, pp. 315–332.
- Paxson C. (1996) Saving and Growth: Evidence from Micro Data. *European Economic Review*, vol. 40, no 2, pp. 255–288.
- Pinkovetskaia I., Campillo D. F. A., Bahamon M. J. R. (2022) Households Income in 2021: Influence of the COVID-19 Pandemic. *Revista Finanzas y Política Económica*, vol. 14, no 2, pp. 541–559.
- Poterba J. M. (1996) Personal Saving Behavior and Retirement Income Modeling: a Research Assessment. *Assessing Knowledge of Retirement Behavior* (eds. E. A. Hanushek, N. L. Maritato), Washington, DC: National Academy Press.
- Poterba J. M., Wise D. A. (1996) Individual Financial Decisions in Retirement Saving Plan and the Provision of Resources for Retirement. *National Bureau of Economic Research Working Paper*, no W5762, Cambridge: National Bureau of Economic Research.
- Power D. (2004) *Decision Support Systems: Frequently Asked Questions*, New York: iUniverse.

- Radaev V. V. (2004) How Trust is Established in Economic Relationships when Institutions and Individuals Are Not Trustworthy: The Case of Russia. *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition* (eds. J. Kornai, B. Rothstein, S. Rose-Ackerman). New York: Palgrave Macmillan; pp. 91–110.
- Radaev V. V. (ed.). 2023. *Kak rossiyanе spravlyayutsya s novim krizisom: sotsialno-ekonomicheskie praktiki naseleniya* [How Russians Cope with the New Crisis: Socio-economic Practices of the Population], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Rahim H. A. (2011) Factors Contributing to Financial Stability of Urban and Rural Families. *Pertanika Journal of Social Science and Humanities*, vol. 19, no 1, pp. 99–112.
- Rooij M., Lusardi A., Alessie R. (2011) Financial Literacy and Stock Market Participation. *Journal of Financial Economics*, vol. 101, no 2, pp. 449–472.
- Schilke O., Reimann M., Cook K. S. (2021) Trust in Social Relations. *Annual Review of Sociology*, vol. 47, pp. 239–259.
- Schunk D. (2009) What Determines Household Saving Behavior? An Examination of Saving Motives and Saving Decisions. *Journal of Economics and Statistics*, vol. 229, no 4, pp. 467–491.
- Sedova Ye. N., Ramenskaya A. V., Bezborodnikova R. M. (2015) *Assotsiativnie pravila v sotsialno-ekonomicheskikh i ekologicheskikh issledovaniyakh* [Associative rules in socio-economic and environmental studies], Orenburg: OGU (in Russian).
- Seguino S., Floro M. S. (2003) Does Gender Have any Effect on Aggregate Saving? An Empirical Analysis. *International Review of Applied Economics*. *International Review of Applied Economics*, vol. 17, no 2, pp. 147–166.
- Shcherbal M. S. (2013a) Modelirovanie sberegatel'nogo povedeniya naseleniya v usloviyakh nestabilnosti: empiricheskii opit [Modeling the Savings Behavior of the Population in Conditions of Instability: Empirical Experience]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnie peremeni*, no. 5 (117), pp. 114–122 (in Russian).
- Shcherbal M. S. (2013b) Sberogatel'noe povedenie naseleniya v nestabilnikh sotsialno-ekonomicheskikh usloviyakh [Saving Behavior of the Population in Unstable Socio-Economic Conditions]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskii zhurnal*, no 2, pp. 65–71 (in Russian).
- Simmel G. (1900) *The Philosophy of Money*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Sirdeshmukh D., Singh J., Sabol B. (2002) Consumer Trust, Value, and Loyalty in Relational Exchanges. *Journal of Marketing*, vol. 66, no 1, pp. 15–37.
- Skoufias E. (2003) Economic Crises and Natural Disasters: Coping Strategies and Policy Implications. *World Develop*, vol. 31, no 7, pp. 1087–1102
- Stevenson B., Wolfers J. (2011) Trust in Public Institutions Over the Business Cycle. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, vol. 101, no 3, pp. 281–287.
- Stix H. (2013) Why Do People Save in Cash? Distrust, Memories of Banking Crises, Weak Institutions and Dollarization/ *Journal of Banking & Finance*, vol. 37, no 11, pp. 4087–4106.

- Swasdpeera P., Pandey I.M. (2012) Determinants of Personal Saving: A Study of Salaried Individuals in Thailand. *Afro-Asian Journal of Finance and Accounting*, vol. 3, no 1, pp. 34–68.
- Szopiński T. (2017) The Determinants of Household Savings in Poland. *Acta Scientiarum Polonorum*, vol. 16, iss. 2, pp. 117–125.
- Sztompka P. (1999) *Trust: A Sociological Theory*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Tikhonova N. Ye. (2023) Sberegatelnoe povedenie rossiyan: dinamika i phaktori [Savings Behavior of Russians: Dynamics and Factors]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 67–79 (in Russian).
- Tsui K. L., Chen V., Jiang W., Yang T., Kan C. (2023) Data Mining Methods and Applications. *Springer Handbook of Engineering Statistics* (ed. H. Pham), London: Springer.
- Walugembe P., Wamala R., Misinde C., Larok R. (2019) Child and Household Social-Economic Vulnerability: Determinants Transition from Moderate and Critical Vulnerability Levels in Rural Uganda. *Childhood Vulnerability Journal*, vol. 2, pp. 29–50.
- Wang J. J. (2010) Credit Counselling to Help Debtors Regain Footing. *Journal of Consumer Affairs*, vol. 44, no 1, pp. 44–69.
- WCIOM (2022) Sberezheniya i vkladi na phone SVO [Savings and Deposits Against the Background of SWO] *WCIOM = VTsIOM*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sberezhenija-i-vklady-na-fonesvo?ysclid=levho0uicb475353006> (accessed 1 February 2024) (in Russian).
- Worthington A. C. (2006) Debt as a Source of Financial Stress in Australian Households. *Journal of Consumer Studies*, vol. 30, no 1, pp. 2–15.
- Yusof S. A., Rokis R. A., Jusoh, W. J. N. (2015) Financial Fragility of Urban Households in Malaysia. *Jurnal Ekonomi Malaysia*, vol. 49, no 1, pp. 15–24.

Received: July 16, 2023

Citation: Kuzina O., Moiseeva D. (2024) Est' li vzaimosvyaz' mezhdru sberegatel'nym povedeniem nasele-niya, doveriem k phinansovym institutam i ustanovkami na sberezhenie v sovremennoy Rossii? [Is There a Relationship Between Household Saving Behavior, Trust in Financial Institutions and Saving Attitudes in Contemporary Russia?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 3, pp. 51–100. doi: [10.17323/1726-3247-2024-3-51-100](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-3-51-100) (in Russian).